

MAX LUCADO

No Wonder They
Call Him the Savior

DISCOVER HOPE IN THE UNLIKELY
PLACE UPON THE CROSS

Макс Лукадо

НЕУДИВИТЕЛЬНО,
ЧТО ЕГО НАЗЫВАЮТ
СПАСИТЕЛЕМ

Originally published in English under the title:
No Wonder They Call Him The Savior
by Max Lucado

Published by Thomas Nelson
All rights reserved

Published by <http://vk.com/maxlucado>

ISBN 0-8499-4711-1 (англ.) © Max Lucado, 2011

2013

Где она, Истина?

«Я хочу знать главное». Сильный ирландский акцент. Тёмные, глубоко посаженные глаза. Слова звучали искренне.

«О религии и богословии говорить не будем. С этим я покончил, хотя тоже имею теологическую степень. Поговорим по существу, хорошо? Я хочу знать главное».

Его звали Ян. Он был студентом Канадского университета, куда я приехал по делам. Узнав, что я христианин, он решил поговорить со мной: было время, когда он тоже верил в Бога, но разочаровался.

«Я, можно сказать, вырос в церкви, - продолжил он. - Хотел стать священником. Я учил теологию, языки, толкование Библии. Но бросил всё это. Отсутствовала чёткость. Мне кажется, нет слаженности» - сказал он убеждённо.

Продолжая пить кофе, я смотрел, как он помешивает свой.

«Опустим второстепенное. Займёмся существом вопроса. Я действительно хочу дойти до сути. В чём она? Скажите. Что главное? Укажите мне. В чём суть Библии?» - вопросы были пропитаны разочарованием.

В чём суть Библии?!

Я долго смотрел на Яна. Молчание повисло в воздухе. Что мне ответить ему? Что нужно сказать? Рассказать ему о церкви? Дать формальный ответ или прочитать что-нибудь классическое, наподобие псалма «Господь - Пастырь мой»? Нет, этого мало. А может быть, поделиться своими размышлениями о морали, или о молитве, или о золотом правиле (возлюби ближнего, как самого себя)?

Нет. Надо было найти что-то более выразительное. Ян хотел пищи для размышления.

Прошу вас, задержитесь на мгновение, почувствуйте его смятение. Услышьте его вопрос. Чувствуете разочарование?

«О религии - ни слова. Дайте мне суть» - настаивает он.

В чём она?

Что есть суть в Библии среди тысячи её страниц? Среди всех этих «делай» и «не делай», «должен» и «не должен», что важное? Что главное? Старый Завет? Новый? Прощение? Крещение?

А вы, что скажете Яну? Станете говорить о пороках мира, а, может, о святости рая? Прочитаете ему стих 3:16 из Иоанна или стих 2:38 из Деяний, а может быть, стих 13 к Коринфянам?

Так в чём же суть?

Может быть, вы тоже ломали голову над этим вопросом?! Возможно и вы ходили в церковь, соблюдали обряды, но тем не менее очень часто оказывались у пересохшего колодца веры, где молитвы мертвы, устремления надуманны, а христианское учение звучит фальшиво.

Неужели, спрашивали вы, воскресные службы, церковный хор, красивое пение, пожертвования верующих, Библия в кожаном переплете - это всё, что есть? Прекрасно, но только... где же сердце всего этого?

Я помешивал свой кофе, а Ян свой. Ответа не было. Все стихи, что я знал, казались неподходящими. Заготовки на возможные вопросы - неубедительны.

Однако теперь, спустя годы, я знаю, чем бы я поделился с ним.

Подумайте о словах Павла из главы 15 к 1 Коринфянам.

«Ибо преподал я вам как о деле *первейшей важности*, что и сам принял, то есть, что Христос умер за грехи наши, по Писанию».

«Дело *первейшей важности*», - говорит он.

Читайте дальше:

«И что Он погребен был, и что воскрес в третий день, по Писанию. И что явился Кифе, потом двенадцати». (1)

Вот оно. Так просто! Иисус был убит, погребен и воскрес. Удивляет? Крест - вот то, в чём суть.

Ни более - ни менее.

Крест.

Он - граница истории. Он, как сверкающий бриллиант, притягивает к себе наши взоры. Он - трагедия и в нём - все страдания. Он даст надежду верующему и пленит циника.

Павел считает, что в кресте суть.

О, Боже, крест - это не просто кусок дерева. За всю его историю: то пред ним преклонялись, то его презирали, то золотом его покрывали, сжигали, то на груди носили, то как хлам выбрасывали - всё делали, но только не были равнодушны.

Это единственное, чему нет места.

Нельзя быть равнодушным к кресту. Нельзя пройти мимо того, на чём распяли самую великую заповедь. Плотник, казнённый за то, что «сделал Себя Сыном Божиим» (Ин. 19:7)? Богоданный? Предвечный? Принявший смерть?

Не удивительно, что Павел называет крест «сердцем Евангелия». Его глубина отрезвляющая: если свидетельство истинно, оно - ось истории. Если нет - то неужели человечество так обманулось.

Итак, крест - вот главное. Вот почему, если бы я смог ещё раз посидеть с Яном за чашкой кофе, я бы ему всё это рассказал. Рассказал бы о трагедии того ветреного апрельского дня, когда царство смерти было низложено, и воскресла надежда. Рассказал бы о падении Петра, о колебаниях Пилата и о преданности Иоанна. Мы бы прочитали молитву к Господу в туманном Гефсиманском саду и об осиянном месте Воскресения. Мы бы вспомнили последние, глубоко выстраданные слова, принесшего себя в жертву Мессии.

И, наконец, мы бы посмотрели на самого Мессию. Сына плотника, чья жизнь изменила мир, и чьему обетованию никогда не было ничего равного.

Не удивительно, что Его называют Спасителем.

Сейчас мне бы хотелось обратиться к читателям, имеющим такие же вопросы, как и у Яна? Положим для вас нет ничего нового в кресте. Вы видели его. Вы носили его. Вы думали о нём. Вы читали о нём. А может быть, даже молились ему. Но знаете ли вы его?

По сути любое серьезное исследование христианства является изучением креста. Принять или отвергнуть Христа, тщательно не исследовав вопроса о Голгофе, - это всё равно, что садится за руль автомобиля, не проверив двигатель. Быть верующим, не зная креста, - это всё равно, что иметь «мерседес» без мотора. Красивая упаковка. А как вы будете ездить?

Не сделаете ли вы мне одолжение: возьмите чашку кофе, устройтесь поудобнее и уделите мне час своего времени. Давайте посвятим его истории. Вместе хорошенько взглянемся в крест. Припомним свидетелей тех событий. Вслушаемся в их голоса. Всмотримся в их лица. А более всего давайте присмотримся к тому, кого называют Спасителем. И давайте подумаем, сможем ли мы дойти до сути.

ЧАСТЬ 1 КРЕСТ: ЕГО СЛОВА

Последние слова, последние поступки

Когда последний раз я ездил в родной город, то специально выделил время, чтобы взглянуть то дерево. «Живой дуб» называл его мой отец, делая ударение на первом слове. Я увидел совсем молодое деревце: тоненькое, обхватом в ладонь; мой средний и большой пальцы легко коснулись друг друга. Осенний ветер швырял опавшие листья, я застегнул молнию на куртке: нет ничего холоднее ветра с прерий, особенно на кладбище.

«Личное дерево, - сказал я себе, - с особой миссией».

Я посмотрел вокруг. Территория была обсажена вязами, дубов не было. На самом кладбище одни надгробные плиты и никаких деревьев, кроме одного. Личного дерева для особенного человека.

Около трех лет тому назад отец начал замечать постоянную слабость в мышцах. Вначале она появилась в руках. Затем он почувствовал её в икрах ног. Потом немного одрябли руки.

Он рассказал о своем состоянии моему шурину; тот врач. Шурин встревожился и послал его к специалисту. Проведя детальное обследование крови, мышечной и нервной системы, специалист поставил диагноз - прогрессирующий паралич. Ни причина заболевания, ни методы лечения неизвестны. С уверенностью можно сказать только о его жестокости и неотвратимости конца.

Я посмотрел на участок земли, которому суждено будет стать могилой отцу. Он всегда хотел, чтобы его похоронили под дубом, поэтому и купил его. «Специальный заказ из долины, - хвастался он. - Пришлось получать специальное разрешение от городского Совета, чтобы посадить его здесь». (В нашем степном пропыленном городке нефтяных промыслов, где все знают друг друга, получить такое разрешение было не трудно.)

У меня комок подкатил к горлу. Возможно, кто-то более слабый духом озлобится. Кто-то, возможно, сдастся. Но не отец. Зная, что дни его сочтены, он начал приводить дела в порядок. Дерево было только одним из таких приготовлений, предпринятых им. Он кое-что обновил в доме для мамы: поставил систему для поливки газонов и автоматического открывания гаражных дверей. Он переделал завещание. Заверил полисы по страховке и пенсии. Купил акции, чтобы его внуки смогли получить образование. Спланировал похороны и купил участок на кладбище для себя и мамы. Словами ободрения и письмами, полными любви, он подготовил детей. И самое

последнее: он купил это дерево. «Живой дуб» - произнесено с ударением на первом слове.

Последние дела. Последние часы. Последние слова.

Они отражают хорошо прожитую жизнь. Последние слова Мессии делают тоже.

Тогда у края смерти Иисус тоже привел свои дела в порядок:

Молитва о прощении.

Призыв быть милостивыми.

Просьба любить друг друга.

Предупреждение о страдании.

Исповедь человеколюбия.

Зов избавления от мук.

Возглас избавления.

Случайные слова отчаявшегося мученика? Нет. Это - цель, начертанная Божественным Посланцем на холсте жертвенности.

Последние слова. Последние дела. Каждое - окно, через которое можно лучше увидеть крест. За каждым - сокровище обетований. «Так вот, у кого ты научился этому», - произнес я вслух, как будто разговаривал с отцом, и улыбнулся, подумав, насколько легче умирать, как Иисус, если прожил жизнь, как Он.

Идут последние часы. Отец угасает. Он больше не может встать с постели и остаток дней решил провести дома. Это не будет длиться долго. Мягкое пламя на свече его жизни слабеет и слабеет. Дыхание смерти вскоре задует этот трепещущий огонёк, и всё будет кончено. Он уходит с миром, и хотя тело его умирает, но живёт дух.

В последний раз я взглянул на тоненький дубок и дотронулся до него, как будто он слышал мои мысли. «Расти, - прошептал я, - Расти сильным, становись высоким. Ты само - ценное сокровище».

По дороге домой, проезжая мимо старых нефтяных промыслов, я продолжал думать о том дереве. Хрупкое сейчас, спустя годы оно станет крепким. Тоненькое сейчас, но время придаст ему статность и мощь. Его последние годы будут самыми прекрасными. Так же, как у отца. Так же, как у Христа. «Намного легче умирать, как Иисус, если всю жизнь прожил, как Он».

«Расти, юное деревце, - мои глаза затуманились. - Расти сильным. Ты само - ценное сокровище».

Отец не спал, когда я приехал домой. Склонившись над постелью, я сказал ему: «Я был у дерева, оно растёт».

Он улыбнулся.

Слова, что ранят

«Отче! Прости им». Луки 23:34.

Горечь была в словах, произносимых тем утром в пятницу.

Из толпы зевак: «Сойди со креста, если ты Сын Божий!».

Из группы церковных иерархов: «Других спасал, а Себя Самого не можешь спасти».

Из рядов воинов: «Если Ты Царь Иудейский, спаси Себя Самого».

Горькие слова. Едкие от сарказма. Ненавидящие. Непочтительные. Неужели недостаточно, что распяли? Неужели недостаточно, что «и к злодеям причтён»? Или гвоздей было мало? Или терновый венец слишком нежен? Или телесное наказание слишком короткое?

Для кого-то, очевидно, так оно и было.

Пётр, обычно не склонный к многочисленным метафорам, говорит, что прохожие «осыпали оскорблениями» распятого Христа (2). Они не просто говорили, выкрикивали или вопили. Они «обрушили» словесные камни на Него. Они нарочно старались причинить боль и нанести удары. «Мы избили твоё тело, а теперь сломим твой дух». Итак, натянув луки фарисейства, пустили в Него жалящие стрелы, напоённые ядом.

Из всех сцен у креста, именно эта гневит меня более всего. Что же это за люди, издевающиеся над умирающим, спрашиваю я себя? Какими подлыми и извращёнными нужно быть, чтобы насмеяться над исхлёстанным кнутом Кто может быть настолько низким, чтобы сыпать соль презрения на открытые раны? Кто может глумиться над человеком, посаженным на электрический стул? Кто может смеяться и тыкать пальцем в преступника с петлёй на шее?

Не кажется ли вам, что дьявол со своими демонами - причина такой мерзости?

И даже преступник со второго креста наносит удар: «Если Ты Христос? Спаси Себя и нас!»

В тот день слова, бросаемые как камни, имели цель ранить. Нет ничего более мучительного, чем слова, которыми намеренно хотят причинить боль. Вот почему Иаков называл язык огнём. Во всех отношениях его ожоги пагубны и губительны.

Но я не открываю вам ничего нового. Не сомневаюсь, что и вы получили свою долю слов, что ранят. И вы чувствовали жало точно нацеленных насмешек. А, может быть, всё ещё чувствуете его. Кто-то, любимый и уважаемый, швыряет вас на пол порочащими словами или неосторожной обмолвкой. И вот вы лежите, израненный и истекающий кровью. Возможно, те слова предназначались, чтобы причинить вам боль, а возможно и нет; но это не имеет значения. Рана глубока. Обида внутри. Разбитое сердце, раненая гордость, избитые до синяков чувства.

А, может быть, ваша рана стара? И хотя стрелы уже давно нет, её наконечник всё ещё там.... застрял и скрыт где-то под кожей. И неожиданно боль от старой раны остро вспыхивает, напоминая о жестокости слов, ещё не прощенных.

Если вы страдали или сейчас страдаете из-за чьих-то слов, я думаю, вы будете рады узнать, что есть бальзам для этих мук.

Поразмышляйте над стихом 2:23 из 1Послания Петра:

Будучи злословим, Он не злословил взаимно; страдая, не угрожал, но предавал то Судии Праведному.

Вы поняли, что не делал Иисус? Он «не злословил взаимно». Он не ругался в ответ. Он не говорил: «Что, боитесь сказать в лицо!», «Я покажу вам, дайте только воскреснуть!» Такие угрозы не слетали с губ Христа.

Вы поняли, что Иисус делал? Он «предавал то Судии Праведному». Или, проще сказать, Он оставил Богу судить. Он не требовал извинений. Не посылал людей, чтобы нашли и привели обидчиков. Искать возмездие не было Его задачей. Поразительно, но

с точностью до наоборот Он говорил о защите: "Отче! Прости им, ибо не ведают они, что творят." (3)

Да, горечь была в словах, звучащих тем утром в пятницу. Слова-камни предназначались, чтобы убить. Мне не понять, как мог Иисус защищать своих бессердечных убийц, когда тело разламывалось от боли, когда глаза были залиты кровью, и легким не хватало воздуха, чтобы дышать. Никогда, никогда я не видел такой любви. Человек, даже заслуживший месть, не получал её от Иисуса. Он не мстил. Вместо этого умер за них. Кто бы мог свершить такое? Я не знаю. Но точно знаю одно: неожиданно мои раны становятся менее мучительными. А мое недовольство и тяжелые чувства неожиданно кажутся детскими. Иногда меня удивляет, неужели мы не видим, что любовь Христа к людям, от которых Он принял муки, так же велика, как и страдания, которые он вынес.

Поразительная милость.

Неусыпная месть

«Ибо не ведают они, что творят» Луки 23:34.

Тридцать семь лет. Худой, почти хрупкий. Лысеет и носит очки. Любитель-электронщик. Законопослушен. Нет, не таков портрет неусыпного мстителя. Конечно, не такому человеку выступать в роли Робин Гуда или Одинокого Странника.

Но американскую публику это не беспокоило. Когда в нью-йоркском метро Бернард Хьюго Гоец набросился на четверых парней, принятых им за грабителей, то мгновенно стал героем. Популярны актрисы посылали ему телеграммы, полные любви и поцелуев. На улицах Нью-Йорка стали появляться футболки с портретом «объездчика головорезов». В его честь рок-группа написала песню. Люди собирали и отдавали деньги, чтобы добиться его оправдания. Поток звонков затопил радиопрограммы. «Это им не сойдёт», - говорил один радиоведущий.

Нетрудно понять, почему.

Бернард Гоец стал осуществлённой американской мечтой. Он сделал, то чего хочет каждый городской житель. Он дал сдачи. Он «пинал ногами хулиганов». Он «врезал по носу негодяю». Он «колошматил зло по голове». Скромный герой олицетворял гнев всей нации, даже всего мира: была жажда мщения.

Такой всплеск поддержки свидетельствует о многом. Люди злы. Люди свирепы. Существует клокочущий, но сдерживаемый до поры, до времени гнев, побуждающий обрушиться на человека, который твёрдо или со страхом говорит: «Я за это больше не возьмусь», но кто потом выходит на улицы с пистолетом наготове в каждой руке.

Мы устали. Устали от засилья хулиганства, от того, что нас изводят и запугивают. Нам надоели насильники, наемные террористы и заказные убийства.

Мы злимся, но не знаем на кого. Боимся, но не знаем чего. Хотим дать сдачи, но не знаем, как. И вот, когда на сцену выходит современный укротитель бандитов, мы (ведь он говорит за нас) аплодируем ему: «Хорошо сделано, Объездчик головорезов. Так держать!»

Неужели так? Действительно ли так надо поступать? Давайте хотя бы на минутку задумаемся о нашем гневе.

Гнев. Чувство особенное, даже более того, предсказуемое. Оно начинается с мелочи. С раздражения. С разочарования. С чего-нибудь незначительного, просто с досады. Кто-то занял ваше место на стоянке машин. Кто-то выскочил перед вашим носом на автостраду. Официантка медлит, а вы спешите. Подгорела еда. Капает вода. Кап, кап, кап.

Итак, накапливайте безобидные на первый взгляд капли гнева, и вскоре получите полное ведро ярости. Воплощённое мщение. Слепая горечь. Бесконтрольная ненависть. Мы никому не доверяем и оскаливаемся на любого, кто окажется рядом. Заряженные страхом, с натянутыми нервами, мы, подобно мистеру Гоецу, готовы в любую минуту взорваться, как пороховая бочка.

Можно ли сейчас так жить? Что хорошего когда-либо принесла ненависть? Какую надежду когда-либо родил гнев? Какие проблемы когда-либо были решены мщением?

Никто не может винить американскую публику за то, что она рукоплескала человеку, давшему сдачи. Но по мере того, как романтический ореол постепенно исчезает с таких поступков, реальность заставляет нас задавать вопросы. Что хорошего сделано? Является ли это способом снижения роста преступности? Стали ли подземки навсегда безопаснее? Может быть, улицы теперь не напоены страхом? Нет. Гнев не справляется с этим. Гнев только питает примитивную жажду мести, той, которая в свою очередь дает пищу нашему гневу, распалая его ещё сильнее. Вот какую картину мы имеем. Неусыпная месть - не выход.

Что же делать? Мы не можем отрицать, что гнев не существует. Как обуздать его? Лука находит хороший способ, стих 23:34. Здесь Иисус говорит о толпе, которая Его убила. «Отче! Прости им, ибо не ведают они, что творят».

Вы когда-нибудь интересовались, что удерживало Иисуса от мщения? Когда-нибудь задавались вопросом, как Он мог держать себя в руках. Ответ во второй части - «ибо не ведают они, что творят». Вслушайтесь внимательно. Похоже, что Иисус считал эту жаждущую крови и алчущую Его смерти толпу не убийцами, а жертвами. Похоже, Он видел в их лицах не ненависть, а смятение. Похоже, что Он относился к ним не как к воинственной толпе, а как к овцам без пастыря, говоря:

«Они не ведают, что творят».

Если вдуматься, они, действительно, не ведали. Не имели ни малейшего понимания того, что делают. Боже мой, это была охваченная безумием толпа, взбешённая тем, что не в силах понять, и срывающая свой гнев.

По большей части мы тоже не знаем, что творим. Мы всё ещё, как не горько признавать это, овцы без пастыря. Мы знаем только, что, придя из одной вечности, находимся пугающе близко к другой. Мы играем в пятнашки с туманными реальностями смерти и боли, и не можем ответить на вопросы о любви и страдании. Не можем отгадать тайну старения. Не знаем, как лечить тело и как ладить с друзьями. Не можем удержаться от войн

Павел обращался к человечеству, признаваясь: «Ибо не понимаю, что делаю»(4).

Да, я знаю, непонимание не оправдывает. Оно не оправдывает ни водителей машин, сбивших человека и скрывшихся, ни торговцев героином и детского порно. Оно не поможет объяснить, почему они совершают дурные поступки.

Мое мнение таково: необузданный гнев не сделает наш мир лучше, а вот полное сочувствия понимание сможет. Однажды, увидев мир и своё предназначение в нём, мы сможем помочь. Однажды, поняв себя, мы начнём действовать не из чувства гнева, а из сострадания и заботы. Мы будем смотреть на мир, не горько нахмурившись, а протянув руку помощи. Мы поймём, что свет снаружи, а многие люди спотыкаются в темноте. Поэтому мы зажжём свечи.

Как сказал Микеланджело: «Мы критикуем, творя». Вместо того, чтобы давать сдачи, мы оказываем помощь. Идём в гетто. Учим в школах. Строим больницы и опекаем сирот ... мы прячем наши ружья.

«Они не ведают, что творят».

В нашем восприятии мира есть что-то, заставляющее нас желать спасти и даже умереть за него. Гнев? Никогда гнев не принёс никому ничего хорошего. Понимание? Да. Результаты не бывают такими быстрыми, как пули «неусыпных мстителей», но они, несомненно, более созидательны.

История мошенника, которого распяли

«Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» Луки 23:43.

Единственное более странное, чем сама просьба, было то, что с ней согласились. Мошенник с приплюснутым носом просит Сына Божьего о вечной жизни. Достаточно просто попытаться представить эту сцену, чтобы произошло короткое замыкание в любом самом буйном воображении, не правда ли? Но пытаться представить, что просьба уважена, - это вообще что-то, оказавшееся по ту сторону реальности, ушедшее в область абсурда.

Однако, как бы нелепо это не выглядело, такое действительно произошло. Заслуживший ад, попал в рай, а мы остались решать запутанную головоломку. Но ради всего святого скажите, чему же Иисус пытался научить нас? Что Он пытался доказать нам, прощая эту гору мышц, никогда, вероятно, не произносившей слов молитвы, а ещё менее заслужившей милость.

У меня есть предположение. Но чтобы объяснить его, я должен рассказать вам историю, которой вы, возможно, не поверите.

Как-то в большом городе двое бродяг проникли в универсальный магазин. Успешно забравшись в него, они пробыли там ровно столько, чтобы осуществить свои намерения, а потом исчезнуть незамеченными.

Необычное в этой истории то, что сделали эти парни. Они ничего не взяли. Абсолютно ничего. Товары не были украдены. Ни один предмет не был сдвинут с места. Но совершённое ими было насмешкой.

Вместо кражи, они изменили стоимость товаров. Сменили ярлыки с ценами. Ценность была подменена. Эти умные проказники сняли ценник с камеры стоимостью 395 долларов и прикрепили его к коробке с почтовой бумагой ценою в 5 долларов. Они взяли ярлык в 5,95 долларов с книги в бумажном переплете и поместили его на подвесной мотор. Они поменяли все ценники в магазине.

Безумно? Ещё бы. Но более безумная часть истории произошла на следующее утро. Вы не поверите! Магазин открылся как обычно. Служащие принялись за работу. Посетители начали делать покупки. Магазин работал в обычном режиме четыре часа, прежде, чем кто-то заметил, что случилось.

Четыре часа! Некоторые люди совершили выгодные покупки. Других ободрали как липку. В течение полных четырех часов никто не заметил, что все цены подменены.

Трудно поверить? И напрасно, ибо подобное происходит каждый день на наших глазах. Мы погружены в искаженную систему ценностей. Мы видим, как бесценное разменивается на мелочи, мы - свидетели того, как самая вульгарная пачкотня продается за миллионы.

Примеры многочисленны и преследуют постоянно. Вот некоторые, что я насчитал за последнюю неделю.

Продавец, защищающий свою незаконную практику, говоря: «Давайте не будем путать бизнес с моралью».

Военные, продавшие за 6000 долларов совершенно секретную информацию (а также свою честь).

Член кабинета министров великой нации, пойманный на незаконных сделках с полудрагоценными камнями. Его должность в кабинете? Министр юстиции.

Отец, признавшийся в убийстве своей 12-летней дочери. Причина, по которой он её убил? Она отказалась лечь с ним в постель.

Почему мы делаем, то что делаем? Почему, взяв чистые белую и черную краски, мы рисуем серой? Почему к нравственным ценностям относимся как к хламу, подчиняясь при этом бессмысленным стандартам? Почему заботимся о теле и поганим душу? Почему холим кожу и одновременно уродуем сердце?

Ценности смешались. Кто-то забрался в наш магазин и подменил все ценники. Сенсации котируются высоко, а человеческая ценность имеет небывало низкую стоимость.

Не нужно быть философом, чтобы постичь, в чём причина такого перекоса. Всё началось в тот момент, когда нас убедили, что человечество идёт в никуда. Что у человека нет судьбы. Что мы движемся по кругу. Что в этом нелепом существовании нет ни складу, ни ладу. Где-то мы подхватили идею о том, что неведомо как, мы попадаем в капкан на маленькой кочке грязи, называемой Землей, у которой нет предназначения. Что Земля - просто вращающийся мавзолей, в бесполезной Вселенной. Что Мироздание случайно, а у человечества нет цели.

Слишком мрачно?

Продолжение ещё хуже. Если у человечества нет судьбы, тогда у него нет *обязанности*. Нет долга, нет ответственности. Если у человека нет судьбы, тогда у него нет генерального курса и цели. Если у человека нет судьбы, тогда кто должен сказать ему, что такое хорошо и что такое плохо? Кто должен сказать, что муж не может покинуть жену и семью? Кто должен запретить убивать дитя в утробе и объяснить, что скверного в сожительстве? Кто скажет, что нельзя идти к вершине по головам других? Системы ценностей противостоят друг другу. Нет абсолютных истин. Нет принципов. Нет морали. Нет правил поведения. Жизнь низводится до развлечений, покупок и острых ощущений. Конец - бедствие.

Экзистенциалист Жан-Поль Сартр пишет: «Экзистенциалистов крайне смущает утверждение, что Бога не существует, т.к. без него исчезает всякая возможность обрести ценности в понятном раю. Действительно, все позволено, если Бога не существует, т.е. человек вследствие этого одинок, потому что он не может найти ничего, на что можно положиться в себе самом и вне себя» (5)

Если у человека нет обязанностей или нет судьбы, следующим логическим шагом является то, что он не является ценностью. Если у человека нет будущего, он немногого стоит. То есть он представляет собой ценность, но не более, чем дерево или скала. Нет между ними разницы. Нет оправдания нашему пребыванию здесь, поэтому нет и смысла.

А результаты этого вы видели. Система скроена на скорую руку, и мы чувствуем свою ненужность и бесполезность. Мы теряем над собой контроль. Занимаемся ерундой. Создаём ложные ценности. Мы говорим, что нас будут ценить, если мы хороши собой. Мы говорим, что нас будут ценить, если мы можем что-то дать. Мы говорим, что нас будут ценить, если мы сможем закинуть баскетбольный мяч с центра поля или перехватить его на лету. Нас будут ценить, если перед нашим именем стоит «доктор», или в конце его «Доктор философии». Мы будем ценны, если имеем зарплату с пятью нулями и водим иномарку.

Очень крутая система, неправда ли? Где она бросает отставших? Уродливых или необразованных? Какую надежду она предлагает нерожденному ребенку? Небольшую. Совсем небольшую. Мы становимся безымянными номерами в потерявшемся списке человечества.

А теперь поймите, пожалуйста, что эта система есть система человеческих ценностей. Не Бога. Его план намного ярче. Господь с сияющими глазами подходит к доске философа, стирает не имеющий конца и вечно повторяемый круг истории и вместо него проводит линию; линию, полную надежд, обещаний, блеска. Он оглядывается через плечо, чтобы посмотреть, следит ли за Ним класс, и рисует стрелу на конце.

В книге Бога человек стремится к чему-то. У человека поразительная судьба. Нас подготавливают к тому, чтобы мы прошли вдоль церковного предела и стали избранниками Иисуса. Он будет жить в нашей душе. Мы разделим с Ним трон. Мы будем царствовать с Ним. Мы имеем значение. Мы ценны. И, более того, - наша ценность возрастает. Наша ценность дана нам от рождения.

Понимаете, единственное желание Иисуса состояло в том, чтобы каждый понял следующее: человек что-то значит потому, что он человек. Вот откуда Его отношение к людям. Подумайте об этом.

Девушка согрешила, чего не следует делать, - и Он простил её. Отверженный прокажённый просит очищения, - и Он касается его. А случай со слепым, кто всем мешал, стоя у обочины, - Он чтит его. А старый болтун, занятый только тем, что жалел себя, сидя у края бассейна, - Он вылечил его.

И не забудьте классический пример ценности человека, описанный Лукой. Он называется «История распятого мошенника».

Если кто-либо и когда-либо был так никчем, так это он. Если когда-либо и какой-либо человек заслужил смертный приговор, то он заслужил его наверняка. Если когда-либо и кто-либо был в проигрыше, то он был первым из проигравших.

Может быть, поэтому Иисус выбрал его, чтобы показать нам, что Он думает о нас людях.

Может быть, этот преступник слышал, как проповедовал Мессия. Может быть, видел, как Иисус сострадает униженным обществом. Может быть, наблюдал, как на улицах Иисус делил хлеб с нищими, ворами-карманниками, грубиянами. А может быть, и нет. Может быть, единственное, что он знал о Мессии, - так то, что сейчас видел: избитый, исполосованный хлыстом, висящий на гвоздях проповедник. Его лицо багрово от крови, глубоки рваные раны, прерывисто дыхание. Тело вздёрнуто в воздух.

Но что-то говорило мошеннику, что он никогда не был в лучшем обществе. И каким-то образом он понял, что если у него осталась только молитва, то он, наконец, встретил Того, кому должен молиться.

- Слушай, замолви за меня словечко там, в своём царстве.

- Считай, что сделано. (свободный перевод)

Какую выгоду Иисус должен был получить, обещая головорезу почётное место за праздничным столом? Наконец, что этот продувной мошенник мог вообще предложить Ему?

Я имею в виду, можно понять самаритянскую женщину. Она могла вернуться в город и рассказать другим свою историю. И Закхей, у него были деньги, мог их пожертвовать. Но тот парень? Что он даст? Ничего!

В том-то и дело. Вслушайтесь. Любовь Иисуса не зависит от того, что мы делаем для Него. Ничего подобного. В глазах Господа вы имеете ценность просто потому, что вы есть. Вы некрасивы или поступаете плохо, но всё же вы ценны. Ваша ценность дана вам от рождения.

Вот и всё.

Подумайте об этом ещё минутку. Вы ценны просто потому, что вы существуете. Не из-за того, что вы делаете или что сделали, а просто потому, что вы есть. Помните это. Помните об этом в следующий раз, когда вам придется болтаться в кильватере чьих-то амбиций. Помните об этом, когда какой-нибудь ловкач попытается повесить на ваше достоинство ярлык товара из отдела продажи по сниженным ценам. Если кто-то в следующий раз попытается выдать вас за дешёвку, просто вспомните, как Иисус почитает вас и улыбнитесь.

Я так и делаю. Я улыбаюсь потому, что знаю - не заслуживаю я любви, подобной этой. Никто из нас не заслуживает её. Когда вы постигаете это, то любой сделанный каждым из нас вклад покажется совершенным пустяком. Все мы - даже самые лучшие - в такой же степени заслуживаем жизнь в раю, как и тот плут. Ни кто из нас не имеет собственного кредита, все пользуются кредитом Иисуса.

Кроме того, меня заставляет улыбаться мысль, о том, что шагает по вызолоченным улицам рая ухмыляющийся бывший мошенник, который знает о милости больше, чем тысячи теологов. Никто другой, кроме Иисуса, не помолился бы за него. В конечном счёте это всё, что он получил. И в конечном счёте это всё, что требовалось.

Не удивительно, что Его называют Спасителем.

Любовь – это расставание

«Жено! се, сын, Твой». Иоанна 19:26.

В Евангелии много вызовов, влияющих на образ мыслей слушателей, но противящихся их человеческой природе и испытывающих их веру.

«Блаженнее давать, чем принимать» (6)

«Ибо, кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет её, а кто потеряет душу свою ради Меня тот сбережёт её» (7)

«Не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своём» (8)

Но нет утверждения, более смущающего душу и даже пугающего её, чем у Матфея в стихе 19:29.

«И всякий, кто оставит дома, или братьев, или мать, или жену, или детей, или земли ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную».

Я могу понять ту часть Писания, где говорится: «Оставь земли и поля свои». Но другая его часть заставляет меня съёживаться от страха. Оставить мать и отца, сказать “прощай” братьям и сёстрам, поцеловать на прощание сына и дочь! Не сложно провести аналогию между апостольством и бедностью или общественной немилостью, но как оставить семью? Почему я должен желать покинуть тех, кого люблю? Неужели жертва должна быть настолько жертвенной?

«Жено! се, сын Твой».

Мария постарела. Волосы на висках седые. Морщинки вместо нежной кожи юности. Руки в мозолях. Она подняла на ноги всех детей. А теперь смотрит - распинают её первенца. Видя его муки, что вспоминает мать, что всплывает в её воображении? Может быть, долгая поездка в Вифлием? Постель для малыша, приготовленная из сена для коровы. Бегство в Египет. Дом в Назарете. Паника в Иерусалиме: «Я думал, что он с тобой». Уроки плотницкого дела. Смех за обеденным столом.

А потом то утро, когда Иисус пришёл домой из мастерской рано; его глаза стали жёстче, а голос более решительным. Он услышал новость. «Иоанн проповедует в пустыне». Её сын снял плотницкий фартук, отряхнул руки от пыли и последним взглядом попрощался с матерью. Они оба знали, что ничего не будет так, как прежде. Тем последним взглядом они стали причастны к тайне настолько болезненной, что её нельзя было высказать вслух.

В тот день Мария познала, как от слов прощания приходит в сердце боль. С того момента ей приходилось видеть сына из далека: с края толпы, снаружи переполненного людьми дома, с берега моря. Может быть, она даже была там, когда прозвучала эта загадочная перспектива: «Кто оставит... мать... ради имени Моего».

Мария была не единственной, кто был призван сказать «прощай» своим любимым во имя царствия небесного. Иосиф остался сиротой в Египте. Ионе было велено отплыть в Ниневию. Анна отправила своего первенца служить в храме. Даниил был послан из Иерусалима в Вавилон. Неемия ушёл из Суз в Иерусалим. Авраам отдал на заклятие собственного сына. Павлу пришлось проститься со своими наследниками. Библия переплетена словами прощания, на её страницах оставлены слёзы расставания.

И в самом деле создаётся впечатление, что в словаре христианства *прощай* слишком часто употребляемое слово. Его хорошо знают миссионеры. Те, кто посылают их, тоже его знают. Его произносит врач, уезжающий в джунгли ради работы в госпитале. То же говорит переводчик Библии, живущий вдали от дома. Те, кто кормит голодающих, учит заблудших, те, кто помогает сирым. Все они знают слова прощания.

Аэропорт. Багаж. Объятия. Хвостовые огни. «Помаша бабуле». Слёзы. Конечные станции автобусов. Корабельные доки. «До свидания, папа». Комок в горле. Билетные стойки. Затуманенный слезами взор. «Пиши мне».

Вопрос: Что это за Бог, заставляющий людей так страдать? Что это за Бог, дающий семью и одаривающий дружбой, а потом требующий покинуть родных и сказать друзьям «прощай»?

Ответ: Тот Бог, который знает, что самая проникновенная любовь строится не на страсти и романтическом эпизоде, а на совместной миссионерской деятельности и жертвенности.

Ответ: Тот Бог, который знает, что в этом мире мы только пилигримы, и вечность так близка, что любое «До свидания» в общем-то означает «Увидимся завтра».

Ответ: Тот Бог, который и сам так поступал.

«Жено! се, сын Твой».

Иоанн крепче обнял Марию. Иисус просил его быть ей сыном, который нужен матери, но которым он в сущности никогда не был.

Иисус взглянул на Марию. Он страдал от мук более сильных, чем гвозди и терновый венец. Тем молчаливым взглядом они вновь стали причастны к тайне. И Он сказал «Прощай».

Крик одиночества

Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» Матфея 27:46.

Те, кто пережили то лето 1980 в Майями, имели мало поводов для веселья. Флоридская жара выжигала город днем и высушивала его ночью. Нарушения общественного порядка, грабежи и расовая напряженность грозили вконец истрепать издёрганные нервы людей. Стремительно повышалось всё: безработица, инфляция, преступность и особенно столбик термометра. В какой-то из этих дней в печати получила широкую огласку статья репортёра «Майями Герольд», от которой у всего Золотого Побережья захватило дыхание. Это была история Джудит Бакнел. Привлекательной, молодой, преуспевающей и мёртвой.

Джуди Бакнел - убийство №106 того года. Её убили 9 июля влажным душным вечером. Возраст: 38. Вес: 49 кг. Семь ударов ножом в спину. Задушена.

Она вела дневник. Если бы не этот дневник, возможно, память о ней похоронили вместе с её телом. Но существует дневник - полная боли эпитафия одинокой жизни. На её записях корреспондент сделал такой комментарий:

В дневнике Джуди виден её характер, слышен её голос. Характер

мечтательный, напряжённый, уставший и голос, звучащий острой тоской. Джуди Бакнел терпела неудачи в любви; в возрасте 38 лет много любовников; предложено много любви, не возвращено ни одной. (9)

В её стремлениях не было ничего необычного. Её беспокоило то, что она стареет, толстеет, ей хотелось выйти замуж, иметь ребенка и устроить свою жизнь. Она жила в престижном районе, где вы живете, если одиноки, но изображаете себя счастливыми

Джуди была образцом запутавшегося существа. Часть её жизни была сказкой, другая половина - кошмаром. Преуспевающая на работе, она терпела поражения в любви. Её дневник насыщен такими вот откровениями:

Где мужчины с цветами, шампанским и музыкой? Где настоящее и искреннее мужчины, которые позвонят и назначат свидание?

Где эти мужчины, которые желали бы делить со мной не только постель, попойку и стол... Прежде, чем пройдет моя жизнь, я бы хотела иметь сексуальные отношения, которые были бы частью любви. (10)

У неё никогда этого не было.

Джуди не была проституткой. Она не принимала наркотики и не получала пособия. Никогда не сидела в тюрьме, и не была изгоем общества. Она была уважаемой. Бегала трусцой. Устраивала приёмы. Носила модную одежду, а окна её квартиры выходили на залив. И она была очень одинокой. «Я вижу людей вместе, и я так завидую, что меня вот-вот вырвет. А как же я?! Как же я?!» Окружённая людьми, она жила как на острове. Имея знакомых, имела мало друзей. Имея многих любовников (за пятьдесят шесть месяцев пятьдесят девять любовников), имела очень мало любви.

«Кто полюбит Джуди Бакнел?» - написано дальше. «Я чувствую себя такой старой. Никому ненужной, никем не любимой. Покинутой. Измученной. Мне хочется плакать и уснуть навечно» (11)

Её болезненные слова чётко сообщали о том, что, хотя её тело умерло 9 июля от ножевых ран, сердце её умерло задолго до этого.... от одиночества.

«Я одинока, - писала она, - и хочу хоть с кем-нибудь чем-нибудь поделиться». (12)

Одиночество.

Это крик. Стон, вопль. Это удушье, причина которого в глубине наших душ.

Вы слышите его? Брошенный ребенок. Развод. Одинокий дом. Пустой почтовый ящик. Длинные дни. Долгие ночи. «Роман» на одну ночь. Забытый день рождения. Молчащий телефон.

Крик одиночества. Вслушайтесь вновь; убавьте звук вашего телевизора, не обращайте внимание на шум уличного движения. Там крик. В наших городах полно Джудит Бакнел. Вы можете услышать их крики. Вы можете услышать их в больницах среди вздохов и шаркающих ног. Вы можете услышать их в тюрьмах среди жалоб раскаяния и мольбы о милости. Вы можете услышать их, когда идете по улицам провинциальной Америки, среди неудачников и стареющих «Мисс выпускного бала». Постарайтесь услышать их в холлах наших школ, где группа богатых ребят выдавливает из своей среды ровесников победнее.

Этот стон в минорном ключе знает весь срез общества. Сверху донизу. От неудачников до знаменитостей. От бедных до богатых. От состоящих в браке до одиноких. Джуди Бакнел не одна.

Многих ли из нас пощадил этот жестокий крик?! О, вы пару раз огорчились или скучали! Но отчаяние? Ничего подобного. Самоубийство? Конечно, нет. Одиночество! Будьте благодарны, что оно не постучалось в вашу дверь. Молитесь, чтобы этого не было. Если вам предстоит провести бой с одиночеством, я приглашаю вас продолжить чтение, если желаете. Однако, по правде сказать, я имею в виду кого-то другого.

Я пишу это тем, кто знает этот крик из первых уст. Я пишу это тем, чьи дни отмечены разбитыми сердцами и бесконечными вечерами. Я пишу это для тех из вас, кто может встретить одинокого человека, просто взглянув в зеркало.

Для вас одиночество - сама жизнь. Бессонные ночи. Холодная постель. Неверие. Страх завтрашнего дня. Не проходящая боль

Когда это началось? При разводе? На пенсии? На кладбище? Когда дети покинули дом?

Может быть, как и Джуди Бакнел, вы всех одурачили. И никто не знает, как вы одиноки. Снаружи вы упакованы великолепно. Всегда наготове улыбка. Работа постоянна. Одежда модна. Талия тонка. Календарь заполнен встречами. Уверенная походка. Впечатляющая речь. Но когда вы смотрите в зеркало, вы никого не обманете. Когда вы одни, раздвоенность кончается и на поверхности оказывается боль.

Или, может быть, вы и не пытаетесь спрятать своё одиночество?! Может быть, вы никогда не были открыты для общения, и все это знают. Ваша речь несколько неуклюжа. В вашем обществе редко кто нуждается. Одежда невзрачна. Мнение банально. Вы не слишком сообразительны и чем-то похожи на своего любимого героя - Гадкого Утёнка.

Я задеваю чувствительную струну? Если да, если вы вздохнули или покачали головой в знак понимания, тогда у меня есть важное сообщение.

Самый душераздирающий крик одиночества в истории прозвучал не из уст заключенного, вдовы или больного. Он прозвучал с горы, с креста, из уст Мессии

«Боже Мой! Боже Мой! - вскричал Он, - Для чего Ты Меня оставил!»(13)

Никогда слова не вмещали так много боли. Никогда ни одно существо не было так одиноко.

«Толпа успокаивается, когда священнику приводят агнца; чистого, без единого пятнышка агнца. Согласно мрачному обряду, он возлагает свои руки на голову молодого животного. Народ наблюдает, как священник исповедует. «Возлагаю грехи людские на тебя». Невинное животное понесет грехи сынов Израилевых. Все прелюбодеяния, похоть и обман перейдут с грешных сынов на агнца искупления».

Затем он ведет животное к краю пустыни и отпускает его. Изгоняет.

Грех должен быть очищен, поэтому агнец отпущен.

«Беги, агнец! Беги!»

Народ освобожден.

Господь удаляется.

Тот, на кого возложены грехи, один». (14)

И вот сейчас на Лобном месте вновь один Тот, кто несёт наши грехи. Вся, когда-либо сказанная ложь, всё, что когда-либо вожделелось, каждое когда-либо нарушенное обещание. Всё - на Его плечах. Он есть грех.

Бог отворачивается. Беги, агнец! Беги!»

Отчаяние ненастного неба. Их снова двое Тех, кто должны быть едины. Иисус, бывший с Богом, сейчас один. Христос, бывший выражением Бога, покинут. Троицы не существует. Божество распалось. Единство нарушено.

Это свыше того, что Иисус может вынести. Он снёс побои, остался стойким перед глумящимися судьями. Он молча смотрит, как убегают те, кого он любит. Он не отвечал тем же, когда обрушились оскорбления. Не кричал от боли, когда гвозди пробивали запястья.

Но когда отвернулся Бог, это было свыше того, что он мог вынести.

«Боже Мой!» Пронзительный крик слетел с Его запекшихся уст. Святое сердце разбито. Тот, кто несёт все наши грехи, вопиёт как скиталец в вечной пустыне. В молчаливые небеса летят слова всех тех, кто блуждает в пустыне одиночества. «Почему? Почему Ты покинул Меня?!»

Я не могу этого понять. Честно, не могу. Почему Он сделал это? Да, да, я знаю. Я слышал официальный ответ: «Чтобы исполнился старый завет». «Чтобы свершилось пророчество». Да эти ответы правильны. Действительно, правильны. Но здесь есть ещё кое-что. Что-то вызывающее сострадание. Какая-то очень острая тоска. Что-то личное.

Что это?

Может быть я не прав, но я продолжаю думать об этом дневнике. «Я чувствую себя покинутой,» - писала она. «Кто полюбит Джуди Бакнел?» И я продолжаю думать о родителях, чей ребёнок умер. Или о друге на больничной койке. Или о пожилых людях в доме престарелых. Или о сиротах. Или о тех, кто в палате для больных раком.

Я продолжаю думать обо всех людях, кто вскидывает к тёмным небесам глаза, полные отчаяния, и кричат: «Почему?»

И я представляю себе Его. Я представляю, как Он слушает. Я вижу Его руку со следами распятия и затуманенные глаза, смахивающую слезу. И хотя Он может и не решить проблему. И хотя Он может и не предложить ответа. И ответ может болезненно повиснуть в воздухе. Он, однажды тоже покинутый, понимает вас.

Жажду

“После того Иисус, зная, что уже всё совершилось, да сбудется Писание, говорит: жажду”. Иоанна 19:2.

I

«Я устал, - вздохнул Он, и остановился. - Вы идите и достаньте еды. Я вот тут отдохну». Он устал. Крайне устал. Болели ноги. Горело лицо от палящего полуденного солнца. Он хотел отдохнуть, поэтому остановился у колодца, помахал рукой ученикам, потянулся слегка и сел. Но прежде, чем Он успел закрыть глаза, к колодцу подошла самаритянка. Она была одна. Наверное, под глазами у неё были мешки, или то, как она шла, заставило Его забыть, насколько Он устал. «Странно, что в такую жару она здесь».

II

«Я хочу спать». Он потянулся. Зевнул. Был долгий день. Толпа была большой, такой большой, что проповедовать на берегу оказалось рискованным делом, поэтому Он говорил с носа рыбацкой лодки. И вот настала ночь, и Иисус хотел спать. «Ребята, если вы не против, я сосну немножко». Он так и сделал. Темной безлунной ночью в Галилейском море Господь отправился спать. Кто-то быстренько соорудил Ему подушку, а Он отыскал самое сухое место на лодке и уснул. Сон Его был так глубок, что даже гром Его не разбудил. Не разбудила и качка на лодке. Не разбудили солёные брызги, поднятых штормом волн. Только крики измученных учеников смогли нарушить Его сон.

III

«Я зол». Ему не пришлось говорить этого, можно было догадаться и по глазам. Лицо красное. Кровь стучит в висках. Кулаки сжаты. «Не потерплю этого больше!» Храм превращён в скандальное торжище. И вот обычный день на том базаре стал бунтом одиночки. Что было улыбкой на лице Сына Божьего, стало сердитым взглядом. «Убирайтесь вон отсюда!» Только голуби, выпорхнувшие навстречу свободе, взлетели в воздух выше прилавков. Гневный Мессия отстаивал своё требование: не делайте деньги на религии, иначе Бог уничтожит вас.

Мы в долгу у Матфея, Марка, Луки и Иоанна за то, что они решились включить в Святое Писание эти напоминания того, что присуще человеку. Вы понимаете, они не обязаны были делать это. Но они сделали и как раз вовремя.

Как раз, когда Его божественность становится недоступной, когда Его святость становится неприкасаемой, а совершенство непревзойдённым, звучит напоминание: голос шепчет: «Он человек. Не забывайте этого. Он смертный».

Как раз вовремя нам напомнили, что Тот, кому мы молимся, знает наши переживания. Ему знаком соблазн. Он чувствовал себя обескураженным. Он бывал голоден, хотел спать, уставал. Ему знакомы наши ощущения, когда рано звонит будильник, или, когда дети одновременно требуют разные вещи. Он кивает головой в знак понимания, когда мы в гневе вспоминаем Господа. Его трогает, когда мы говорим, что нужно сделать больше, чем мы можем сделать. Он улыбается, когда мы признаёмся, что изнурены.

Но более всего мы обязаны Иоанну, который выбрал и включил в Писание стих 28 из главы 19. Он читается просто.

«Жажду».

То жаждал не ХРИСТОС. То - плотник. Божественность и слова человека.

Эта фраза способна испортить проповедь. Да, другие шесть восклицаний больше подходят. Это крики, которых мы ожидали: прощение грешных, обещания рая, забота о матери и даже крик «Мой Боже, Мой Боже, почему Ты покинул Меня?» имеют силу.

Но, «Жажду»?

Как раз в тот момент, когда мы многое постигли. Как раз в тот момент, когда крест приобрёл смысл и значение, и чтение подходило к концу. Как раз в тот момент, когда мы придумали все эти прекрасные слова на «ия», подобно «умиротворению», «очищению», «освящению» и «оправданию». Как раз в тот момент, когда мы поставили большой золотой крест на большом золотом шпиле, Он напоминает нам, что «Слово стало плотью».

Он хочет, чтобы мы помнили, что Он тоже человек. Он хочет, чтобы мы знали, что Ему тоже известна скука зануды и усталость, приходящая долгими днями. Он хочет, чтобы мы помнили, что наш Первооткрыватель не носил резиновых перчаток, пуленепробиваемого жилета, или каких-либо других доспехов. Нет. Он прокладывает путь к нашему спасению в мире, с которым вы и я сталкиваемся ежедневно.

Он - Царь Царей, Владыка владык и Слово Жизни. Более чем когда-либо Он - Утренняя Звезда, Труба Спасения и Князь Мира.

Но бывают мгновения, когда в нас возрождается воспоминание, что Бог стал смертным и жил среди людей. Наш Учитель знал, что значит быть распятым плотником, который жаждет.

Созидающая любовь

«Свершилось» Иоанна 19:30.

«В начале сотворил Бог небо и землю». (15) Так и сказано. «Сотворил Бог небо и землю». Ведь не сказано: «Сделал Бог небо и землю». Не сказано также, что Он «разработал» и «ксерокопировал», а также «наладил поточное производство» и «построил» небеса и землю. Нет, тем словом было «сотворил».

И этим словом сказано многое. «Сотворить» - это что-то сильно отличающееся от «воздвигать». Разница совершенно очевидна. Когда что-то воздвигается, то заняты только руки, сердце и душа вовлечены в сотворение.

Наверняка замечали это в своей жизни. Вспомните, над чем вы работали творчески. Возможно, картина или песня. Строчки стихов, никогда никому не прочитанные, или просто конура для пса на заднем дворе.

Что вы испытываете по отношению к своему творению? Добрые чувства? Надеюсь, что так. Чувство гордости? И желание защищать? Должно быть. Частица вас живёт в вашем творении. Вы вкладываете себя в то, что творите... Это значительно больше, чем обычное задание или урок. Это выражение вас самих!

А теперь представьте созидательный процесс Господа. Нам многое не известно о творчестве, но одно знаем точно - Он творил с улыбкой. Наверняка Его созидание не было похоже на взрыв. Нарисовать полоски на зебре, подвесить звёзды в небе, добавить золото в закат. Вот это творчество! Сделать жирафу длинную шею, заставить крылья пересмешника трепетать, подарить гиене хохот.

Какое это было время для Него! Как плотник в мастерской, насвистывающий во время работы, Он любил каждое мгновение созидания. Он погружался в работу. Так напряжён был Его труд, что в конце недели Он взял выходной, чтобы отдохнуть...

А потом, как венец всего, блестящее действие - Господь создаёт человека. С присущим Ему творческим чутьём Он начал с бесполезного кома земли, а кончил бесценным образцом, называемым человеком. Тем, кто удостоился особой чести нести печать «По образу Его».

В этом месте истории любому бы захотелось вскочить и хлопнуть в ладоши. «Браво!», «Бис!», «Бесподобно!», «Восхитительно!»

Но аплодировать рано. Божественный Художник ещё не снял покрывала со своего величайшего творения.

Как повествует предание, змий-искуситель кормит человека яблоком и кое-какими сведениями, а доверчивый Адам проглатывает и то, и другое. Этот акт своеволия приводит к драматическим и странным отношениям между Богом и человеком. И хотя герои и декорации меняются, сценарий повторяется бесконечно. Бог, всё ещё любящий Создатель, уговаривает своё творение. А человек, как творение, попеременно, то приходит к покаянию, то кидается в бунт.

В этом простом сценарии созидательная деятельность Господа достигла своих высот. Если вы подумали, что у Него хватило воображения только на моря и звёзды, не судите, но прочтите, что Он делает, чтобы заставить своё творение внимать Ему.

Например:

Девяностолетняя старуха становится беременной.

Другая превращается в соляной столб.

На земле всемирный потоп.

Горят, но не выгорают леса.

Красное море расступается.

Падают стены Иерихона.

С неба проливается огненный дождь.

Ослица говорит.

Скажите, спецэффекты! Но эти эффекты, будь они даже изобретательны, всё же не могут сравниться с тем, что должно было произойти.

Мы приближаемся к кульминации повествования. Господь, движимый любовью и святостью, удивляет всех. Он стал человеком. В непостижимой тайне Он превратился в плотника и жил в маленькой иудейской деревне. Готовый доказывать любовь к своему творению, Он пришёл инкогнито в собственный мир. Его мозолистые руки касались ран, а полная сочувствия речь трогала сердца. Он стал одним из нас.

Видели вы когда-нибудь такую решимость? Были вы когда-нибудь свидетелем такого желания быть понятым и принятым? Если не сработало одно, Он пробует другое. Если не удалась одна попытка, Он пытается вновь. Его ум никогда не бездействовал. «Бог многократно и многообразно, говоривший издревле»..... - пишет автор Послания к евреям - «В последние дни свои говорил нам о Сыне»(16)

Но как не прекрасен сам акт воплощения, это ещё не зенит. Бог, как истинный художник, приберёт подлинный шедевр напоследок. Все предыдущие выражения любви привели к нему, единственному. Ангелы утихли, и небеса замерли, чтобы стать свидетелями финала. Бог отдергивает занавес, и пред нами предстаёт заключительный акт созидательной любви.

Бог на кресте.

Творец, жертвующий собой ради собственного творения. Бог, в последний раз убеждающий человека в том, что за падением следует прощение.

Мне хочется знать, будучи на кресте, Бог вернулся в мыслях своих к началу. Хочется знать, прошли ли перед Его мысленным взором тысячи лиц и поступков. Вспомнил ли Он о сотворении небес и морей? Оживил ли в памяти разговоры с Авраамом и Моисеем? Вспомнил ли о мольбах и обещаниях, о дикости и заблуждениях? Мы не знаем.

Однако мы точно знаем, что Он сказал:

«Свершилось».

Миссия окончена. Всё, что нужно было сделать великому Художнику, сделано - и сделано с блеском. Возможно, теперь Его творение придёт к своему Создателю.

«Свершилось!» - вскричал Он.

И великий Творец отправился домой.

(Однако Он не отдыхает. Есть известие о том, что Его работающие руки строят город такой славный, что даже ангелы охвачены трепетом при виде его. И я, памятуя о том, как много было сделано Им, надеюсь увидеть ещё одно Его творение).

Свершилось

«Совершилось». Иоанна 19:30.

Несколько лет тому назад Пол Саймон и Арт Гарфанкель очаровали всех песней о бедном парне, которого мечта привела в Нью-Йорк, где он стал жертвой жестокой жизни этого города. Без денег, имея друзей только среди иммигрантов, он проводил дни, опускаясь всё ниже и селясь всё более и более бедных кварталах, куда забредают оборванцы - кварталы, обычно известные только им. (17)

Легко представить этого паренька с грязным лицом в изорванной одежде, ищущего работу и не находящего её. Он устало тащится по улицам, борясь с холодом и уносясь в мечтах туда, «где нью-йоркские зимние ветра не продувают насквозь, а ведут домой».

Его не покидает мысль бросить всё. Уехать. Оставить всё - кажется, ему не совершить этого никогда.

И вот уже готовый сдаться и выбросить на ринг полотенце в знак поражения, он встречает боксёра. Вот они эти слова:

В освещенном круге стоит боксёр, его ремесло - бой, и его тело помнит каждый удар, который укладывал и валил его на пол до тех пор, пока он от стыда и гнева не кричал: «Я сдаюсь, я сдаюсь», - но боец всё ещё живёт в нём. (18)

«Но боец всё ещё живёт в нём». В этой фразе есть что-то притягательное. Она звучит искренне.

Те, кто может остаться на ринге, как тот боксёр, люди редкой породы. Я имею в виду не то, что они обязательно победят, я просто говорю о том, что они остаются. Продолжай попытки. Бейся до конца. Будь стойким до конца. Но, к сожалению, очень немногие из нас поступают так. Люди склонны слишком быстро бросать начатое. Мы останавливаемся прежде, чем пересечём финишную прямую. Наша неспособность закончить то, что начали, видна в самых малых делах:

Недостриженный газон.

Недочитанная книга.

Неоконченные письма.

Заброшенная диета.

Разобранный на детали автомобиль.

О, это проявляется в самых болезненных сферах нашей жизни.

Брошенный ребенок.

Пустая вера.

Порхание с работы на работу.

Расстроенная свадьба.

Бездуховные слова.

Я задеваю чье-то больное место? В любом случае я обращаюсь к тем, кто подумывает, не бросить ли всё. Если я прав, то хочу поддержать ваше стремление остаться, хочу поддержать вас, напоминая о решимости Иисуса на кресте.

Иисус не сдался. Но не сомневайтесь ни минуты, что Он не испытывал искушения бросить всё. Посмотрите, насколько Ему больно слышать, как злословят и ссорятся Его ученики. Посмотрите, как Он плачет, сидя у могилы Лазаря, или послушайте, как скорбит и тоскует в Гефсиманском саду.

Ему когда-нибудь хотелось оставить всё, как есть?

Ещё бы.

Вот почему так великолепны Его слова:

«Совершилось».

Остановитесь и послушайте. Можете услышать тот крик с креста? Тёмное небо. Рядом стонут ещё две жертвы. Злые языки умолкли. То ли гром гремит. То ли плачут. А может быть, тихо. И вот Иисус делает глубокий вздох, опирается ногами на гвозди креста, и громко возглашает: «Совершилось!»

Что свершилось?

Свершился замысел искупления человека. Исполнено послание Бога человеку. Работа, проделанная Иисусом-человеком на земле, закончилась. Он нашёл и научил последователей. Дело сделано. Жертва принесена. Жало смерти удалено. Всё кончено.

Крик побежденного? Едва ли. Если бы не прибитые к кресту руки, победный кулак пронзил бы тёмное небо. Нет, это не вопль отчаяния. Это крик свершения. Глас победы. Знак завершения работы, и даже вздох облегчения.

Боец остаётся. Спасибо Тебе, Боже, за то, что Он остался. Спасибо Тебе, Боже, за то, что Он терпел.

Вы всё еще близки к тому, чтобы отступить? Пожалуйста, не делайте этого. Как родители, вы обескуражены поведением своих детей? Постарайтесь продолжить общение. Устали делать добро? Сделайте ещё одну попытку. Недовольны своей работой? Засучите рукава и попробуйте ещё раз. Никак не наладятся отношения в семье? Дайте своему близкому человеку ещё один шанс. Не можете устоять перед искушением? Примите прощение Господа и попытайтесь обойти соблазн. Ваш день наполнен печалью и разочарованием? Да и завтрашний не сулит ничего? Для вас надежда - забытое слово?

Помните, что без потерь и усталости к финишу не приходят. Как раз наоборот. Господь, как и тот боксёр, - в шрамах и окровавленный. Бойца, как и нашего Учителя, пронзает и наполняет боль. Его, как и Павла, могут связать и избить, но он остается. «Бог призвал нас быть не преуспевающими, а верующими». - слова, приписываемые матери Терезе.

«Земля Обетованная, - говорит Иисус, - ожидает претерпевших до конца».(19) Она ведь не для тех, кто делает игру на победу или пьет шампанское. Нет, господа. Земля Обетованная для тех, кто просто остался до конца.

Давайте терпеть.

Прочтите эти строки, созданные, чтобы придать вам выдержки:

«С великой радостью принимайте, братия мои, когда впадёте в различные искушения, зная, что испытание вашей веры производит терпение». (20)

«Итак укрепите опустившиеся руки и ослабевшие колена. И ходите прямо ногами вашими, дабы хромящее не совратилось, а лучшее исправилось». (21)

«Делая добро, да не унываем; ибо своё время пожнём, если не ослабеем». (22)

«Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который мне даёт Господь, праведный Судия в день оный; и не только мне, но и всем возлюбившим явление Его.

Постарайтесь прийти ко мне скоро». (23)

«Блажен человек, который переносит искушение, потому что быв испытан, он получил венец жизни, который обещал Господь любящим Его. (24)

Спасибо тебе, Пол Саймон! Спасибо тебе, апостол Павел! Спасибо тебе, апостол Иаков! А больше всех, благодарю Тебя, Иисус, за то, что учишь нас стойкости и умению в конце концов идти до конца.

Возьми меня домой

«Отче, в руки Твои предаю я дух Мой» Луки 23:46.

Когда б война, то неизбежны были б жертвы.

Финал симфонии нам дал бы миг молчанья
пред первыми возгласами «бис».

Дорога дальняя окончилась бы отчим домом.

А после шторма солнца луч пронзил бы тучи.

Но не было того. То был Мессия. Вздох радости то был!

«О, Отче!» - голос хрипло вопиет.

Тот голос, что когда-то мертвых воскресил,

А жаждущим свет истины принёс.

Тот голос, что когда-то Бога звал,

Зовет и ныне: «Отче! Отче!»

Теперь едины двое,

И обретен, покинутый когда-то,

Поскольку вновь над пропастью есть мост.

«Свершилось, Отче!» - слабо шепчут губы.

Летите прочь стервятники,

И ада демоны подите прочь в темницу!

Смерть попрана!

Но на закате солнца

Сын Человеческий покинул землю эту.

Всё кончилось!

Вздыхает ангел. Звезды слёзы льют.

«Возьми меня домой!»

Возьми Его!

К Царю возьмите Князя мира.

И Сына, ангел, отведи к Отцу,

Поскольку кончилась дорога пилигрима

И отдых так необходим Ему.

«Возьми меня домой!»

Десятки тысяч ангелов придите,

Чтоб в колыбель отцовских рук принять истерзанного трубадура!

Прощай, дитя яслей.

Благословенен будь святой посланник миру.

Иди домой, принявший смерть от рук убийцы.

Ты можешь отдохнуть, мой милый воин,

Поскольку битва кончилась твоя.

ЧАСТЬ 2 КРЕСТ: ЕГО МУДРОСТЬ

Кто бы поверил?

Утро пятницы. Как степной пожар распространяется по улицам Иерусалима весть: «Назаретянина казнят!» От Соломонова притвора до Золотых ворот люди передают из уст в уста: «Слышали?» - «Они схватили Галилеянина». - «Невероятно!» - «Говорят, его сдал кто-то из своих».

Скоро, очень скоро Никодим пропустит заседание в Синдреоне.

Скоро, очень скоро гробы раскроются.

Скоро, очень скоро потрясётся земля.

Скоро, очень скоро завеса в храме раздерётся надвое, сверху донизу.

Шок, смущение, замешательство.

Кто-то искренне оплакивает Его. Кто-то смеётся. Кто-то поднимается на гору поглазеть на зрелище. Кого-то раздражает, что благолепие Пасхи испорчено какими-то смутьянами. Некоторые вслух интересуются, не этого ли человека приветствовали несколько дней тому назад, постилая пальмовые ветви к Его ногам.

«Многое может случиться через семь дней», - замечает Иисус.

Даже через день может многое случиться.

Спросите об этом Марию. Могли ли она поверить вчера, что сегодня окажется так близко от истерзанного тела сына. И кто бы накануне убедил Иоанна, что уже через сутки он будет умащивать тело своего мертвого героя? А Пилат? Кому бы поверил Пилат, что скоро, очень скоро он вынесет приговор Сыну Божьему!

Многое может произойти за день.

Петр поведает вам. Он бы продолжал говорить о своей преданности, даже если бы вечером этому гордому, преданному ученику сказали, что утром он познает всю глубину вины и стыда. И десять других апостолов могут подтвердить. Им эти же сутки принесли и гордость собой, и предательство. Вот Иуда..... жалкий Иуда! Вчера - решительный и дерзкий. Утром удавился на собственном ремне, и тело его, раскачивающееся на дереве, заслоняет утреннее солнце.

Никто не остался в стороне. Никто.

Нельзя не считаться с колоссальной значимостью казни Назаретянина. Видите, на перекрестке спорят женщины? Не сомневайтесь, предмет спора - Назаретянин. А те две на базаре? Они тоже говорят о том, кто сам себя объявил Мессией. А бесчисленные паломники, что собираются в Иерусалиме на Пасху? Они вернутся домой с ошеломляющей вестью о «Наставнике, который восстал из мёртвых». У каждого своё мнение. Каждый принимает ту или другую сторону. По такому вопросу, как этот, нельзя оставаться нейтральным. Равнодушие? Только не на этот раз. Либо на той, либо на другой стороне. Всем приходится выбирать.

Выбирали и они.

На каждого хитрого каиафу был свой никодим. На каждого циничного ирода был свой сомневающийся пилат. На каждого болтуна-обманщика был тот, кто ищет правду. На каждого предателя-иуду был свой верный иоанн.

В распятии было то, что заставило каждого присутствующего либо шагнуть вперед, либо отпрянуть. Оно притягивало и отталкивало одновременно.

И сегодня, 2000 лет спустя, происходит то же. Оно - водораздел. Вы либо на той, либо на другой стороне. Необходимо сделать выбор. Мы можем относиться к кресту по-разному. Мы можем изучать его историю. Мы можем изучать его теологию. Мы можем размышлять о его пророчествах. Но единственное, что мы не можем сделать, так это равнодушно пройти мимо него... Нельзя колебаться. Крест в своём абсурдном великолепии не допускает этого. Господь, будучи дивно милостив, всё же не позволяет колебаться.

А вы, на чьей стороне?

Лица в толпе

Люди приходят к кресту либо случайно, либо сознательно сделав выбор. Волнующие истории рассказывают те, для кого это произошло случайно.

1

Возьмём, например, Малхоса. Как слуга первосвященника, в тот день он выполнял только свои обязанности. Та облава в Саду была бы последней в его жизни, не отстранись он вовремя. Света факела хватило, чтобы он успел увидеть блеск клинка. Взмах и... Малхос отклоняется назад как раз настолько, чтобы спасти свою шею, но не ухо. И вот Пётр получает выговор, Малхос - исцеляющее прикосновение, а событие становится историей.

То есть историей для каждого, кроме Малхоса. Не будь окровавленного пятна на плаще, разве он мог бы проснуться на следующее утро и рассказывать о кошмаре той ночи? Некоторые полагают, что позже, в Иерусалиме, Малхос был среди принявших Христа. Мы не знаем об этом наверняка, но можем быть уверены в одном: с той ночи Малхос никогда не усмехался презрительно, услышав, как люди говорят об этом плотнике, воскресшем из мёртвых. Нет, обычно он изо всех сил дёргал себя за ухо и убеждался в том, что всё возможно.

II

Это произошло слишком быстро. Только что Варавва находился в камере в ожидании смертной казни, коротая время за игрой в «крестики и нолики» на грязных стенах камеры - и вот он уже на свободе, прищуривается, глядя на яркое солнце.

- «Иди, ты свободен»

- «Что?» - Варавва поскрёб бороду.

- «Ты свободен. Вместо тебя они потребовали Назаретянина».

Варавва часто олицетворяется с человечеством, и это справедливо. Во многом он похож на нас: заключенный, получивший свободу только, потому что кто-то, кого он никогда в жизни не видел, занял его место.

Но мне кажется, что Варавва в каком-то смысле, вероятно, был более сметливым малым, чем мы.

Насколько мне известно, он принял свою неожиданную свободу как она есть, т.е. как незаслуженный дар. Кто-то подарил ему то, что сохранило его жизнь. Он схватил и не задавал вопросы. Наверяд ли можно представить себе, чтобы он выкинул какой-нибудь из наших фокусов. Мы же, принимая свободный дар, пытаемся отработать его, проанализировать его и заплатить за него вместо того, чтобы просто сказать «спасибо», приняв его.

Вероятно, покажется нелепым, но труднее всего - принять спасение из милости. В нас живёт то, что противиться свободному Божьему дару. Что-то вроде фатальной повинности создавать законы, системы и правила, делающие нас «достойными» дара.

Почему мы так поступаем? Я вижу только одну причину. Принять милость - означает принять её необходимость, а большинство из нас не любит делать этого. Принять милость, кроме того, означает, что мы понимаем своё отчаяние, но большинству слишком не хочется признавать и это.

Варавва же понял всё лучше других. Поэтому приговорённый к смерти без какой-либо надежды на помилование, он и не собирался артачиться при дарованной отсрочке наказания. Может быть, он не понял милости и уж наверняка не заслужил её, но отказываться не собирался. Возможно, мы бы правильно поступили, поняв, что затруднительные положения, в которых мы оказываемся, не слишком отличаются от случая с Вараввой. Мы тоже заключенные без единого шанса на апелляцию. Но то, почему некоторые предпочитают оставаться в тюрьме, когда открылась дверь камеры, является тайной, достойной, чтобы над ней хорошенько подумали.

III

Если правда, что любой образ вызывает в памяти тысячу слов, то именно римский офицер нашёл самые точные, потому что видел, как страдал Иисус. Он никогда не слышал, как Иисус проповедовал. Не был свидетелем, как Иисус излечивал, и не шёл за

Иисусом в толпе. Тот солдат не знал, что Иисус может утишить ветер; он был свидетелем только тому, как умирал Иисус. И этого было достаточно, чтобы заставить состарившегося под зноем и стужей солдата сделать огромный шаг навстречу вере. «Истинно Человек Этот был праведник». (25)

Случай этот говорит о многом, не так ли? Он говорит о том, что реалии жизни и испытание веры сталкиваются в лишениях. Он говорит о том, что истинность веры любого из нас открывается в страданиях. Правдивость и сущность наши предстают в подлинном свете в несчастьях. Вера проявляется не в воскресных посещениях церкви в костюме-тройке, не летними днями на занятиях по изучению Библии во время отпуска, а у больничных коек, в палатах для больных раком, на кладбище.

Может быть, именно страдания за веру тронули старого, загрубевшего солдата. Очевидность их - убедительное доказательство. Любой сможет проповедовать на пригорке с ромашками, но воплотить своё наставление в жизнь на вершине страдания может только сильный человек, преисполненный веры.

Ну... Почти

Почти. Слово ужасное в любом языке.

«Почти». Оно из одной компании с «приблизительно», «в следующий раз», «если бы только» и «около». У этого слова привкус упущенных возможностей, потерпевших неудачу попыток и неумело использованных шансов. «Почти» - это лишь благодарность в приказе, это игра в дублирующем составе, это скамейка для запасных, это второе место в состязании, это подгоревшая выпечка.

Почти - это то, что ускользнуло: только что закончившаяся распродажа, почти окупившееся рискованное предприятие. Почти.

Скольких людей вы знаете, чьи притязания на славу сосредоточены в «почти»?

- «Я вам когда-нибудь рассказывал, как меня чуть было не выбрали Предпринимателем года?»

- «Говорят, что он чуть было не попал в высшую лигу».

- «Я поймал сома больше меня! Ну... почти».

Сколько живут люди, столько же существует «почти». Люди, почти выигравшие сражение, почти покорившие вершину, почти сделавшие открытие.

Одно из самых знаменитых «почти» в Библии у Пилата. Да, он упустил то, что было намного значительнее, чем сом или присуждённый приз.

Он чуть было не совершил величайший в истории акт милосердия. Он почти простил Князя Мира. Почти освободил Сына Божьего. Почти остановился на решении оправдать Христа. Почти! У него была власть. У него была возможность выбора. Он носил кольцо с печатью. Возможность дать свободу Сыну Господа была в его руках... и он сделал это.... почти.

Почти! Как часто эти пять ужасных букв оказываются в эпитафиях отчаяния?

«У него почти получилось...».

«Она почти согласилась не бросать его».

«Они почти решились на ещё одну попытку».

«Мы почти выполнили эту работу».

«Он чуть было не стал христианином».

Что делает почти таким могущественным словом? Почему между «он почти» и «он сделал» существует такой широкий разрыв?

В случае с Пилатом нам не нужно ходить далеко, чтобы найти ответ. В главе 23 Евангелия от Луки имеется точное объяснение данного случая. Давайте послушаем со стиха 22:

А он (Пилат) в третий раз сказал им (толпе): какое же зло сделал

Он?

Никакой вины, достойной смерти, я не нашёл в нем; и, так наказав Его, отпущу. Но они настаивали с громкими криками, требуя, чтобы Он был распят. *И их крики усиливались (курсив мой).*

Вы правы, доктор Лука. Их крики преобладали. И, в результате, торжествовала Пилатова гордыня. Торжествовала Пилатова жажда власти. Пилатов страх одержал верх.

Но вы знаете, их голоса не были единственными. Было, по крайней мере, три других голоса, которые Пилат не мог не слышать.

Он не мог не слышать голоса Иисуса.. Пять раз Пилат откладывал решение, надеясь воздействовать на чернь и кнутом, и пряником.(26) Но Иисуса вновь и вновь отправляли к нему. Пилат оставался с Ним с глазу на глаз и три раза разговаривал наедине с этим притягивающим к себе Назаретянином, пришедшим в мир, чтобы свидетельствовать об истине. «Что есть истина?» - риторически вопрошал Пилат (может, вопрос-то звучал искренне?). Иисус молчал, но Его молчание было громче требований толпы. Однако Пилат не услышал.

Не услышал он и голоса жены. Она умоляла его «ничего не делать Праведнику Тому! Я сегодня в сновидении много пострадала из-за Него». (27) Любой должен был помедлить и поинтересоваться о причине такого сна, заставившего знатную даму назвать праведником этого человека из маленького городка в Галилее. Но Пилат не услышал.

Он мог бы также прислушаться к собственному голосу. Несомненно, он умел видеть то, что скрывается за фасадом: «Вы никчёмные людишки, Анна и Каиафа, бросьте свою дутую преданность; знаю я, в чём ваши интересы». Наверняка совесть твердила Пилату: «Этот человек не сделал ничего дурного. Возможно, немного мистики, но это не причина, что бы повесить Его».

Несчастный Пилат, он мог бы услышать и другие слова. Но он не слышал, т.е. почти слышал. Но не до конца. Голоса демонов одержали победу.

Действительно, голос Сатаны часто торжествует. Узнаёте его увещевания?

«От одного раза ничего не будет».

«Она никогда не узнает».

«Другие делают вещи и похуже».

«Послушай, не будь ханжой».

Риторика его умствований не имеет конца. Отец лжи тихо напевает и уговаривает. Как бродячий корабейник обещает луну с неба и избавление от несчастий. «Приходите, не стесняйтесь. Попробуйте мой напиток удовольствий и спойте мою песнь чувственности. В конце концов, кто знает будущее?»

Между тем, Бог никогда не вступает в словесную перепалку с Сатаной. Истине не нужны крики. Бог совершенен, присутствует вечно и спокойно свидетельствует. Никаких трюков, никакой показухи, никаких соблазнов, простое, открытое доказательство.

А люди реагируют по-разному. Некоторые мгновенно проглатывают яд искусителя-коробейника. Другие так же быстро обращаются к Князю Мира. Однако, многие из нас застигнуты где-то между: застрявшие с краю сатанинской орды, но всё же в пределах слышимости послания Господа

Пилат познал тяжкий путь того, что позиция «почти» является самоубийственной. Победят другие голоса. Их приманка слишком обольстительна. Их призыв слишком притягателен. К тому же Пилат узнал, что нет ада темнее, чем ад угрызения совести. Мойте руки хоть тысячу раз, это не освободит вас от вины упущенной возможности. Простить себя за то, что вы могли бы сделать, - это одно. Попытаться простить себя за то, что вы могли бы сделать, но не сделали, - это другое.

Иисус знал это с самого начала. Для нашего собственного блага Он требовал и требует абсолютного повиновения. В Его речи никогда не было места для «почти». Вы либо с Ним, либо против Него. С Иисусом «приблизительно» должно стать «точно». «Иногда» должно стать «всегда». «Если бы только» должно стать «невзирая на». «В следующий раз» должно стать «на этот раз».

Нет, у Иисуса никогда не было места для «почти», да и сейчас нет.

Возможно, «почти» имеет значение в игре "подковки", но, что касается Мессии, «почти» всё равно, что «никогда».

Те десять, которые сбежали

Что-то поражает в том простом факте, что ученики Его вновь собрались вместе - возможно, их непереносимое смущение. Они сидели, уставившись друг на друга и, должно быть, чувствовали себя неловко. Ведь двумя днями раньше они ужинали здесь: было много народа и на кухне жарко. И вдруг как будто кто-то выплёскивает кипяток на стаю кошек. Бац! И все врассыпную, не останавливаясь до тех пор, пока не нырнули в первое подходящее убежище.

Вы когда-нибудь спрашивали себя, что делали ученики в конце той недели? Я - да. Мне было интересно знать, прошёл ли кто-нибудь из них по улицам Иерусалима или захотел вернуться домой. Мне хотелось знать, что они говорили, когда люди спрашивали их о том, что случилось. «Да,.. ну... понимаете ли...?» Я спрашивал себя, собирались ли они парами, или маленькими группами, или оставались в одиночестве. Я задавался вопросом, о чём они думали, что чувствовали.

«Нужно бежать! Они убьют нас всех!»

«Не понимаю, что произошло».

«Я бросил Его в беде».

«Он должен был предупредить нас».

Мне хотелось знать, где они были, когда потемнело небо. Мне всегда хотелось знать: были они около храма, когда «занавес разодрался надвое»? Они были на

кладбище, когда «открылись могилы»? Меня интересовало, осмелился ли кто-нибудь из них украдкой вернуться на Лобное место, постоять в толпе и посмотреть на те три силуэта на холме?

Но это не известно никому. Те часы остались для домыслов. Ни чувства вины, ни чувства страха или сомнения - ничего не описано.

Но нам точно известно одно. Они вернулись. Медленно. По одному. Они вернулись: Матфей, Нафанаил, Андрей. Они пришли оттуда, где прятались, из укрытий: Яков, Пётр, Фаддей. Возможно, некоторые уже были на пути домой в Галилею, но повернули назад и вернулись. Возможно, кто-то презирал себя за бегство, но опомнился. Вероятно, кому-то было стыдно за своё предательство, и он вернулся.

Они по одному появлялись в той самой комнате, где происходила Тайная Вечеря. Должно быть, камни сваливались с их душ при виде других, уже сидящих там.

Они приходили изо всех уголков Иерусалима. Слишком виновные, чтобы вернуться домой, и слишком обескураженные, чтобы продолжать дело. Но у каждого живёт отчаянная надежда, что всё случившееся кошмар или злая шутка. И каждый надеется найти хоть какое-то утешение у других. Они вернулись. Что-то в их натурах восставало против того, чтобы позволить себе сдаться. Что-то в словах, сказанных Учителем, звало их назад друг к другу.

Действительно, неловкая сложилась ситуация; они застигнуты на неровном пяточке: уже свершившие падение, но ещё не прощённые. Какое-то подвешенное состояние между «Я не могу поверить, что это сделал я». и «Я этого никогда не совершу впредь». Они слишком пристыжены, чтобы просить прощения, и всё-таки слишком верны, чтобы сдаться. Они слишком виновны, чтобы с ними считаться, и слишком преданны, чтобы игнорировать их.

Мне кажется, все мы побывали в подобной ситуации. Я смею утверждать, что каждый из нас может засвидетельствовать, как наши радужные обещания рушатся под натиском волн паники и опасности. Я знаю, что каждый из нас видел, какие лохмотья оставляют зубья страха и смятения от наших слов обещаний и смирения. И я ещё не встречал человека, который бы всегда выполнял то, что клялся не совершать никогда.

Мы все бежали по улицам Иерусалима.

Почему ученики вернулись? Что заставило их это сделать? Слухи о воскрешении? Да, слухи, но только от части. Те, кто бывал рядом с Иисусом, уже знали, что от Него можно ожидать свершения необыкновенного. Они видели, как Он простил женщину, у которой было пять мужей; с каким почтением отнёсся к презренному вору, скрывающемуся под маской сборщика налогов; как Он любил уличных бродяг, чья репутация вогнала бы в краску Бони и Клайда. Они видели, как Он изгонял демонов из бесноватых и напоминал некоторым прихожанам о страхе перед Господом. Творить чудеса миссионерства, когда рухнули традиции, прокаженные свободно бродят по городу, грешники ликуют, фарисеи курят фимиам, а народ бунтует! После трёх подобных лет вы бы сложили свои пожитки и отправились домой

«А может быть, Он действительно восстал из мертвых?»

Что-то большее, чем слухи о пустых могилах, привело их назад. Что-то в их сердцах не позволяло им жить с чувством предательства. И если причины их поступка уважительны, то их было не достаточно, чтобы перечеркнуть основную нить данной истории: они предали Учителя. Когда Иисус нуждался в них, они сбежали. И теперь им приходилось иметь дело со стыдом.

Ища прощения, но не зная, где искать его, они вернулись. Их тянуло в ту самую комнату Тайной Вечери, где жили сладкие воспоминания о преломлённом хлебе и символическом вине. Факт возвращения характеризует их Наставника. Он говорит о том, что хорошо знавшие Иисуса, не могли лишиться Его милости. Для первых двенадцати было только два пути - гибель или милость. А кроме того, факт возвращения свидетельствует об Иисусе ещё и то, что хорошо Его знавшие, понимали, что, даже нарушив обещание, они всё же могли обрести прощение.

Итак, двенадцать вернулись. Каждый с воспоминаниями и тонкой ниточкой надежды, что невозможное случится ещё раз. «Если бы только у меня был ещё один шанс».

Они сидели в той комнате. Даже тот короткий разговор, что имеет место, сосредоточен на слухах об открытых могилах. Кто-то вздыхает. Кто-то запирает дверь. Кто-то шаркает ногами.

И в тот момент, когда сумерки совсем сгустились, когда логические рассуждения заканчиваются тоскливыми думами, когда кто-то говорит, что готов отдать свою бессмертную душу, чтобы увидеть Его ещё раз, сквозь стену проступает знакомое лицо.

Боже, какой финал! Или лучше сказать, какое начало! Не пропустите обещания, снявшее покрывало с этой истории. Для тех, кто, подобно апостолам, отвернулись и сбежали, когда должны были остаться и бороться, эти слова принесут надежду. Раскаявшееся сердце - вот и всё, что Он требует. Выходите из тени. Кончайте прятаться. Раскаявшегося сердца достаточно, чтобы призвать самого Сына Божьего пройти сквозь стены вашей вины и стыда. Он, простивший своих последователей, стоит готовый простить остальных. Всё, что вам нужно сделать, - это вернуться.

Не удивительно, что Его называют Спасителем.

Единственный, кто остался

Я всегда воспринимал Иоанна как человека, смотрящего на жизнь просто. «Правда есть правда, зло есть зло, всё не так уж сложно, как мы себе это представляем».

Например, даже для самых лучших писателей дать Иисусу определение считалось задачей сложной, а Иоанн справляется с ней по случайной аналогии. Мессия - это «Слово». Странствующий вестник. А лучше - Любовь. Будь Он пламенный глагол или мягкое определение, Он был в буквальном смысле Слово.

А жизнь? Да, она, эта жизнь, имеет две стороны - светлую и тёмную. И если вы находитесь на одной стороне, то вас нет на другой и наоборот.

Что же дальше?

Дьявол - отец лжи, а Мессия - отец истины. Бог - это любовь, и вы с Ним, если тоже любите. Действительно, большинство проблем разрешимо, если любить друг друга.

Но иногда, когда богословие становится несколько туманным для понимания, Иоанн делает паузу в повествовании достаточно долгую для того, чтобы предложить объяснение. И благодаря такому терпеливому повествованию мы имеем следующий

классический комментарий: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного».

Но мне нравится Иоанн более всего за то, как он любил Иисуса. И опять его отношения с Ним достаточно просты. Для Иоанна Иисус был отличным другом с добрым сердцем и добрыми мыслями. Рассказчиком о том, что когда-то было, и обещанием того, что будет где-то за радугой.

Создаётся впечатление, что для Иоанна Иисус, прежде всего, верный товарищ. Мессия? Да. Сын Бога? Конечно. Чудотворец? И это тоже. Но более всего Иисус был другом. Тем, с кем ты мог бы разбить лагерь, поставить палатку, поиграть в мяч или посчитать звёзды.

Просто! Для Иоанна Иисус никогда не был объектом научного исследования по социальной активности людей. Никогда не воспринимался тем, кто даёт право громить клиники по прерыванию беременности или позволяет жить в пустыне. Иисус был другом.

А как вы поступаете с другом? Да, тоже довольно просто. Вы остаётесь верным ему.

Может быть, поэтому Иоанн - единственным из двенадцати, кто был у креста. Он пришёл сказать «прощай». По его собственному признанию, он ещё не собрал воедино разрозненные куски случившегося. Но фактически это не имело значения. Его ближайший друг был в беде, и он пришёл помочь.

- Можешь позаботиться о моей матери?

- Конечно. Для чего же ещё дружба?!

Иоанн учит нас, что самые надёжные взаимоотношения с Христом могут быть необязательно самыми сложными. Он учит нас, что самые крепкие узы верности плетутся не замкнутым на себя богословием, не философией, доступной всем и каждому, а дружбой: упрямой, самоотверженной, счастливой дружбой.

Будучи свидетелем такой упрямой любви, у нас возникает жгучее желание испытать любовь, подобную этой. В нас живёт чувство, что, если бы мы оказались в тот день на чьём-либо месте, это было бы место юного Иоанна, и так же, как Иоанн, мы бы подарили этому возлюбленному Богу улыбку верного друга.

Гора раскаяния

Когда Иисус восходил на Голгофу, в это время Иуда взбирался на другую гору - гору раскаяния.

Он шёл один. И путь его, как камнями, был усеян болью и стыдом. Ландшафт пустынен, как его душа. Плечи согнуты под бременем - он нёс собственное падение.

Не столь уж важно, почему Иуда предал Учителя. Двигали им гнев или жадность, конец один - раскаяние.

Несколько лет тому назад я побывал в Верховном суде. Сидя в зале суда, я наблюдал великолепную сцену. Главного судью атаковали коллеги. Они были воплощением справедливости. Они представляли собой высшую степень человеческих устремлений в борьбе с несостоятельностью.

Про себя я подумал, насколько было бы бессмысленно, подойди я к судье и попросить прощения. Прощения за то, что переговаривался с учительницей пятого класса. Прощения за неверность друзьям, за то, что в воскресенье клялся: «Я никогда больше не буду», а в понедельник говорил: «Буду».

Это было бы бесполезно, потому что судья не мог бы ничего сделать. Может быть, дать несколько дней тюрьмы, чтобы утолить чувство моей вины, но не прощение?! Оно было не в его власти. Наверное, поэтому мы так много часов проводим на горе раскаяния. Мы не нашли способа простить себя.

Итак, медленно мы взбираемся на гору. Усталые, сердца изранены в борьбе с неразрешимыми заблуждениями. На глазах слёзы крушения надежд. На устах слова оправданий. У одних страдания - вот они, на поверхности. У других боль спрятана внутри, похоронена в дальних уголках горьких воспоминаний. Родители, влюблённые, любой из нас - кто стремится забыть, кто хранит в памяти, но все пытаются справиться с болью. Мы молча по одному бредём в оковах нашей вины. И у всех на устах вопрос, заданный ещё Павлом: «Кто избавит меня от сего тела смерти?» (28)

А в конце этого пути стоят два дерева.

Одно без листьев, видевшее зной, стужу, дожди. Оно мертво, но всё ещё крепкое. Нет коры, осталась лишь выбеленная до блеска за многие годы гладкая древесина. Только голые ветви отходят от ствола. На самую крепкую ветвь накинута петля приговора. Здесь Иуда решил, что делать своим падением.

Если бы он знал о соседнем древе, древе креста. Оно тоже мертво; древесина тоже гладкая. Но нет петли. Нет больше смертей, там на кресте того дерева. Хватило одной. Одна смерть за всех.

Те из нас, кто тоже предал Иисуса, не настолько глупы, чтобы быть слишком суровыми к Иуде за то, что он выбрал то дерево расплаты. Чтобы поверить в то, что Иисус может забыть о предательстве, нужна такая же сильная вера, как для того, чтобы поверить в Его воскресение из мёртвых. То и другое - чудотворно.

Но, что это за деревья! Только несколько футов отделяют дерево отчаяния от дерева надежды. Жизнь так парадоксально близка к смерти. Добродетель находится на расстоянии вытянутой руки от порока. Хранитель жизни и предавший её находятся в одной и той же колеблющейся тени.

Вот они стоят эти деревья.

Это не может не ошеломить. Почему Иисус на самой пустынной горе жизни ждёт меня с раскинутыми в стороны, пробитыми гвоздями руками? «Сумасшедшая, святая милость». (29) В ней нет логики. Но потом я понимаю, что милости и не нужно быть логичной, иначе она не будет милостью.

Евангелие, дающее дополнительный шанс

Это было похоже на то, как находят сюрприз в коробке с хлопушками, замечают маленькую жемчужину среди пуговиц или обнаруживают денежку в шкатулке для писем. Что-то слишком мелкое, чтобы увидеть сразу. Всего два слова. Знаю, я читал их сотни раз. Но не видел. Наверное, пропускал, взволнованный актом воскресения. Или

просто не обращал достаточно пристального внимания, от того, что у Марка описание воскрешения самое короткое. А может быть, всё происходило из-за того, что слова эти находятся в последней главе его Евангелия и мои уставшие глаза всегда пробежали по строчкам слишком быстро, чтобы отметить для себя эту маленькую фразу.

Но больше я её не пропущу. Для себя я выделил её желтым и подчеркнул красным. Наверное, вам нужно сделать то же. Загляните в главу 16 от Марка. Прочтите первые пять стихов об изумлении женщин, нашедших камень гробницы отодвинутым в сторону. Потом доставьте себе удовольствие, прочитав красивую фразу, которую произносит ангел. «Его здесь нет, Он восстал». Однако не задерживайтесь слишком долго на этих строчках. Прочтите немного дальше. Приготовьте карандаш и восхититесь жемчужиной седьмой главы (она следует далее). Вот как звучит этот стих. «Но идите, скажите ученикам Его и Петру, что Он предвещает вас в Галилее».

Увидели её? Прочтите вновь. На этот раз я выделю эти слова курсивом.

«Но идите, скажите ученикам Его и Петру, что Он предвещает вас в Галилее»

А теперь скажите, что - это, если не спрятанное сокровище?!

Позволь я себе перефразировать эти слова, они звучали бы так: «Не стойте же здесь, пойдите и скажите ученикам», - пауза, а потом с улыбкой, - «и особенно Петру скажите, что Он предвещает вас в Галилее».

Какая фраза! Как будто все небеса наблюдали за падением Петра - как будто все небеса хотели помочь ему подняться вновь. «Непременно скажите Петру, что о нём помнят. Скажите ему, что одно падение не есть конец».

Вот так-то!

Не удивительно, что Евангелие называют Благой Вестью, дающей ещё один шанс.

Не так уж много дополнительных возможностей имеется в сегодняшнем мире. Спросите об этом у мальчишки, не попавшего в команду, у молодого парня, получившего уведомление об увольнении, или у матери троих детей, брошенной ради «прелестной малютки».

Да, не так уж много возможностей начать сначала. В современном мире это больше похоже на: «Сейчас или никогда», «Мы здесь не потерпим некомпетентности», «Наверху мало места для всех», «Ещё одна забастовка - и вон с предприятия», «Это - мир, где люди грызутся, как собаки!».

На такое мазохистское поведение у Иисуса есть простой ответ. Когда вы утверждаете: «Это - мир, где люди грызутся, как собаки!», Он обычно отвечает: «Тогда не живите с собаками». А что, в этом есть резон, неправда ли? Зачем позволять каждой неудаче указывать вам, как низко вы пали?

Знайте, у вас есть ещё один шанс.

Спросите об этом у Петра. Только что он чувствовал, что пал ниже, чем тварь ползущая, а в следующее мгновение он - кум королю. Даже ангелы хотели, чтобы этот обезумевший от горя закидыватель сетей знал, что не всё кончено. Послание громкое и ясное пришло из великолепного Тронного Зала, из уст божественного курьера: «Пойдите и скажите Петру, что он вновь столкнётся с тяжёлым испытанием».

Те, кому это знакомо, говорят, что на самом деле Евангелие от Марка - это расшифрованные заметки, записанные под диктовку мысли Петра. Если так, то это Пётр включил в Писание эти слова! А если это действительно его слова, я могу легко представить себе, как старому рыбаку приходилось смахивать слезу и глотать комок в горле, доходя до этого места повествования.

Не каждый день даёт нам дополнительный шанс. Пётр, должно быть, знал это. В следующий раз, увидев Иисуса, он был так возбуждён, что не стал раздеваться, а так и прыгнул в холодную воду Галилейского моря. И ещё говорят, встречи с Иисусом было вполне достаточно, чтобы заставить этого неотёсанного Галилеянина нести Евангелие, дающее ещё один шанс, вплоть до Рима, где его убили. Если вы когда-либо задавались вопросом, что заставило человека добровольно принять смерть, будучи распятым вниз головой, теперь вы это знаете.

Не каждый день можно встретить того, кто даст вам ещё один шанс - а ещё реже того, кто будет давать вам этот шанс каждый день.

Петр нашёл в Иисусе и того, и другого.

Оставьте место для волшебства

Фома. Он не поддаётся простому обобщению.

Да, мы навесили на него ярлык. Кто-то когда-то в какой-то проповеди назвал его «Неверующий Фома». Кличка пристала. И это правда, он действительно сомневался. Но справедливо и то, что за этим стояло больше, чем сомнение. Его вопросы были не от простого отсутствия веры - скорее от недостатка воображения. Лучше всего это проявилось в истории воскрешения.

Например, давайте вспомним тот случай, когда Иисус со всем присущим Ему ораторским мастерством говорил о доме, который Он приготовит для мира. И хотя умение увидеть образ нелегко давалось Фоме, он очень старался. Так и видно, как на его лице остаются одни глаза, когда он пытается представить себе белый дворец на улице Святого Фомы. И в тот момент, когда Фома почти представил себе эту картину, Иисус делает такое допущение: «А куда Я иду, вы знаете и путь знаете». Фома моргает раз, другой, глядит в озадаченные лица других, а потом раздражается с искренним апломбом: «Господи, мы не знаем, куда Ты идёшь; как же нам знать путь?»(30) Фома не стесняется говорить то, что думает. Если вам что-то не понятно, так и скажите! Его воображение обычно не шло дальше этого.

А потом настало время, когда Иисус сказал своим ученикам, что Он уйдёт, чтобы побыть с Лазарем, хотя Лазарь уже умер и похоронен. Фома не мог понять, что имеет в виду Иисус, но если Иисус желает вернуться туда, к тем евреям, которые однажды пытались забросать Его камнями, то он, Фома, не позволит Ему предстать перед ними одному. Поэтому он похлопал своё верное оружие и сказал: «Идём и мы, чтобы умереть с Ним!»(31) Всю свою жизнь Фома провёл в ожидании Мессии, а теперь, когда Мессия был здесь, Фома желал посвятить свою жизнь Ему. Маловато воображения, зато много преданности.

Возможно, именно эта особенность его характера объясняет, почему Фомы не было в комнате Тайной Вечери, когда Иисус явился другим апостолам. Понимаете, мне кажется, что Фома очень тяжело воспринял смерть Иисуса. И даже, не умея достаточно точно понять все те метафоры, которые в своё время использовал Иисус, он всё же хотел идти с Ним до конца, и никогда не предполагал, что конец наступит так

внезапно и преждевременно. А в результате у Фомы осталось много вопросов без ответа.

С одной стороны, весть о воскресении Иисуса казалась догматику Фоме слишком притянутой за уши. Ограниченность творческого начала в Фоме оставляла мало места для волшебного и удивительного. Кроме того, он не хотел вновь испытать боль разочарования. Спасибо, одного было вполне достаточно. Всё же, с другой стороны, его верность заставляла желать чуда. И он хотел быть причастным к нему, пока была хоть малейшая надежда.

В тот раз душевный разлад шёл от смятения, вызванного непоколебимой преданностью и отсутствием воображения. Он был слишком честен по отношению к жизни, чтобы быть легковерным, и всё же был слишком преданным Иисусу, чтобы быть неверующим. В конце концов именно эта преданность без фантазий явилась причиной знаменитого ныне условия: «Если не увижу на руках Его следа от гвоздей и не вложу пальцев моих в место гвоздей, никогда не поверю». (32)

Да, я догадываюсь, вы можете сказать, что он действительно сомневался. Но то не было сомнением от неуверенности или неверия, напротив оно выросло из нежелания поверить в невозможное или просто из страха вторично испытать боль.

Многие из нас поступают так же, неправда ли? В нашем мире бюджетов, долгосрочного планирования и компьютеров разве легко поверить в невероятное? Разве мы не стремимся тщательно исследовать жизнь, усердно хмуря лоб и осторожно пробуя землю ногами. Сегодня оставлять в душе хоть сколько-нибудь места для волшебства не является признаком глубокого ума.

И вот мы, подобно Фоме, с трудом можем поверить, что Бог способен сделать то, что Он делает лучше всего: заменить смерть жизнью. Но в нашем небогатом воображении теплится маленькая надежда, что невозможное свершится, но потом мы, как и Фома, позволяем нашим мечтам пасть жертвой сомнений.

Мы совершаем ту же ошибку, что и Фома: мы забываем, что «невозможное» - одно из любимых слов Бога.

Как обстоят дела у вас? Что с вашим воображением сегодня? Когда последний раз вы позволяли своему воображению оторваться от логики? Когда последний раз оно было невообразимым? Когда последний раз вы мечтали, что вся планета объединится в мире и все верующие станут братьями? Когда последний раз вы осмелились представить себе день, в котором каждый будет сыт и каждый народ будет жить спокойно? Когда последний раз вы мечтали о том, что каждое существо на земле услышит о Мессии? Много ли прошло времени с тех пор, как вы заявили, что Господь делает «больше, чем мы просим или помышляем». (33)

В случае с Фомой его логическое начало говорило «нет», и всё же он сказал, что поверит, если сможет получить хотя бы малое доказательство. И Иисус, всегда такой терпимый к нашим сомнениям, предоставил Фоме то, о чём тот просил. Он ещё раз протянул навстречу ему Свои руки. О, как же удивлён был Фома. Он потрогал их дважды, пал ниц и воскликнул: «Господь мой и Бог мой!» (34)

Должно быть, Иисус, улыбнулся.

Он знал, что в случае с Фомой Он имел победившего сомнения. Так вот, каждый раз, когда вы к верности добавите немножко воображения, перед вами предстанет святой, т.е. тот, кто умрёт за веру. Взгляните на Фому. Легенда гласит, что он сел на грузовое судно и отправился в Индию, где его убили, чтобы заставить прекратить

проповедовать о доме, приготовленном в мире, который настанет, и о друге, который вернулся из страны мёртвых.

Свеча во тьме

Посмотрите, они похожи на друзей - тайных, - но тем не менее друзей. «Солдат, теперь можно снять Его. Я позабочусь о Нём».

Полуденное солнце высоко, а они молча стоят на холме. Сейчас здесь намного тише, чем было утром. Толпа почти разошлась. Двое мошенников на крестах стонут, едва дыша, вот-вот умрут. Солдат прислоняет лестницу к центральному столбу, взбирается по ней и убирает кол, скрепляющий перекладину с вертикальной частью креста. Два солдата рады, что работа сегодняшнего дня близится к завершению; они помогают потому, что опустить кипарисовый крест и тело на землю - тяжёлая работа.

«Теперь осторожней,» - говорит Иосиф.

Пятидюймовые гвозди выдергиваются из крепкого дерева, освобождая безвольные руки. Тело, служившее Спасителю, поднимают и укладывают на большой камень.

«Он - ваш,» - говорит начальник стражи. Крест лежит в стороне, его вскоре отнесут на склад, пока он вновь не потребуется.

Для двоих такая работа непривычна, но всё же руки справляются с ней проворно.

Иосиф из Аримофеи стоит на коленях в изголовии Иисуса и осторожно обтирает израненное лицо, мягкой мокрой тряпичкой смывая кровь, что запеклась ещё в Саду, а потом при наказании хлыстом. Он смывает кровь от тернового венца, а покончив с этим, плотно закрывает Его глаза.

Никодим раскатывает полотно, которое принёс Иосиф, и расстилает его на камне рядом с телом. Двое еврейских церковных иерархов поднимают безжизненное тело Иисуса и кладут на полотно. Теперь оно умащивается благовониями. Как только Никодим касается щёк Учителя, чтобы втереть алое, чувства, до того сдерживаемые, прорываются наружу. На лик распятого Царя падает слеза. Никодим прекращает работу, чтобы смахнуть другую. Со щемящей тоской пожилой еврей смотрит на этого молодого Галилеянина.

Есть что-то немножко ироничное в том, что Иисуса хоронят не те, кто хвастался, что никогда не покинут Его, а эти два члена Синедриона, два представителя религиозной партии, убившей Мессию.

Однако никто более этих двоих не был так многим обязан этому распятому Христу. Многие были освобождены из глубоких ям рабства и болезней. Многие были спасены из тьмы штраков порока и смерти. Но никогда не было штрака темнее того, из которого были выведены эти двое.

Штольни религии.

Эти двое не станут пленниками никакой тьмы, где ловушки многочисленны, а западни глубоки. Её подземное зловоние отдаёт духом благих намерений. Бесконечный лабиринт её переходов забит заблудшими. На её тропах лужи пролитого вина и лохмотья мехов.

Не хотелось бы оказаться там с неокрепшей верой. Юные сердца, задающиеся вопросами, быстро черствеют в этой ледящей тьме. Любое свежее проникновение в суть вопроса растаптывается в угоду преходящим традициям. Оригинальность мышления не поощряется, а любознательность душится. Приоритеты подтасовываются.

У Христа кроме жалищих слов упрёков не было ничего для тех, кто обитает в таком мраке. «Лицемеры, - говорил Он о них. - Фигляры нечестивые! Творящие зло! Буквоеды судейские... Приспособленцы без авторитета. Людшки мелочные! Вожди слепые! Вы подобны гробницам побелённым... Змеи! Змеиное отродье!» Для Иисуса не существовали те, кто из религии делает состязание, а религиозность доводит до ярости милитариста. Этому нет места. (35)

Иосиф и Никоим устали, от того что видели раньше, а видели они только список правил и инструкций, так часто сгибавших людей под своим невыносимым бременем. Они часами слушали бессмысленные пререкания крючкотворов-законников. Они носили мантии и сидели на почётных местах и видели, как выхолащивается Слово Божье, как религия превращается в костыли для увечных.

Они хотели покончить с этим.

Это был изрядный риск. Высшее общество Иерусалима не собиралось особо благосклонно взирать на двух своих религиозных деятелей, хоронящих какого-то мятежника. Но для Иосифа и Никодима выбор был очевиден. В словах молодого проповедника из Назарета звучала правда, никогда не слышанная ими во мраке их религии. К тому же они предпочитали спасти души, а не шкуры.

Поэтому, медленно подняв тело, Никодим и Иосиф отнесли его в гробницу. Поступая так, они зажгли свечу во тьме.

Если представить, что эти двое сумели бы понаблюдать за религиозным миром последних ста лет, навряд ли бы они обнаружили, что положение вещей ныне сильно отличается. Всё ещё очень много порока среди тех, кто ходит в облачении священнослужителей, а Библию используют как кувалду. Всё ещё модно иметь священнический сан и подпоясываться цепями праведности. Всё ещё слишком часты случаи, когда веру приходится искать не в церкви, а вне её.

Но, кроме того, они бы увидели, что даже в тех случаях, когда верующие становятся чрезмерно набожными, а праведники уж очень праведны, Господь находит кого-то, кто зажжёт свечу. Её зажигали Лютер в Виттенберге, Латимер в Лондоне и Тиндел в Германии. Джон Нокс будучи рабом на галере, нёс этот свет, то же делал Александр Кемпбел, как проповедник.

Нелегко зажечь свечу во тьме. Но тем мужественным людям, кто способен озарить жизнь других, признательны навек. Нет сомнений, которое из этих озарений самое благородное.

«Солдат, теперь можно снять Его. Я позабочусь о Нём».

Маленькие вестники

Прежде чем попрощаться с теми, кто находился у креста, я познакомлю вас ещё кое с кем. Это совсем особенное знакомство.

В тот день там присутствовали те, чья роль была особенной. Они не говорили много, но были там. Немногие заметили их, оно и не удивительно. По самой своей сути они так молчаливы, что их часто упускают из вида. Писавшие Евангелие действительно упомянули о них вскользь. Но мы знаем: они были там. Они должны были быть там. У них была работа, которую нужно было выполнить.

Да, их присутствие не просто свидетельствовало о священной драме; они выражали её. Они были пропитаны ею. Они вскрыли отчаяние Петра, выдали вину Пилата и обнажили смертельную тоску Иуды. Они передали смущение Иоанна и ясно выразили горе Марии.

Однако главная их роль была связана с Мессией. Как тактично и бережно принесли они облегчение Его страданиям и выразили Его острую тоску.

Что я описываю? Может быть, вы удивитесь.

Слёзы!

Те очень маленькие капельки человеколюбия. Те круглые, мокрые капли влаги, падающие из глаз, сползающие вниз по щекам и брызгами разбивающиеся о дно наших сердец. В тот день они были в сердцах, на щеках и в глазах. В такие моменты они всегда там. Они должны быть - это их работа. Это - они, крохотные вестники, готовые по первому зову все двадцать четыре часа в сутки заменить ставшие беспомощными слова. Капая, падая и проливаясь из уголков наших душ, они выносят с собой самые глубокие чувства, владеющие нами. Текущие по лицу, они поведают о переживаниях души, от самой блаженной радости до самого мрачного отчаяния.

Принцип прост: когда беспомощны слова, наиболее действенными становятся слёзы.

Пятна слёз на письме скажут много больше, чем все слова этого письма. Слеза, упавшая на гроб, скажет то, о чём никогда не смогли сказать прощальные слова. Что вызовет материнское сострадание и заботу скорее, чем слеза на щеке ребёнка? Что более поддержит, чем слёза сопереживания на лице друга?

Слова потерпели неудачу в тот день, когда убили Спасителя. Это было их полное поражение. Да и какие слова можно было произнести? Какие слова, возможно, сумели бы выразить чувства, переполнявшие тех, кто там был?

То дело, мой друг, было оставлено слезам.

Как вы поступаете, когда не хватает слов? Как вы общаетесь, когда весь их запас, истощённый, лежит у ваших ног? Что вы делаете, когда спотыкаются даже самые выразительные слова? Так ли вы богаты, что не стыдитесь дать волю слезам? Можете ли вы быть настолько счастливы, чтобы глаза ваши орошались слезами и горло перехватывало от волнения? Можете ли вы быть настолько гордыми, чтобы глаза ваши подернулись пеленой и всё виделось, как в тумане, из-за слёз? Можете ли вы позволить слезам в горе облегчить тяжесть, сдавившую грудь и комком сжимающую горло? Или вы каждый раз загоняете их внутрь, позволяя им литься только в глубине души?

Немногие из нас умеют проявлять свои чувства. Особенно мы, мужчины. О да, конечно, мы умеем орать, ругаться и курить! Но слёзы? «Поберегите их для робких и малодушных! А я должен завоевать мир!»

Друзья, мы бы хорошо поступили, если бы остановились всмотреться в лица у креста.

Пётр. Крупный и плотный рыбак. Достаточно сильный, чтобы вытянуть из моря сеть, полную рыбы. Достаточно храбрый, чтобы выдержать самый свирепый шторм.

Человек, который несколькими часами ранее обнажил меч против патрульного отряда римлян. А сейчас посмотрите на него. Плачет, нет... *рыдает*. Забился в угол, закрыл лицо мозолистыми руками. Стал бы настоящий мужчина поступать так? Признаться в своей вине? Каяться в своём падении? Просить прощение? Разве настоящий мужчина не должен сдерживаться... дать трезвое объяснение... найти оправдание... проявить твёрдость характера... настоять на своём? Неужели Пётр растерял своё мужество? Нас не проведешь, не так ли? А может быть, он уже и не мирской человек, но ещё и не святой? Несомненно.

А Иоанн, взгляните на его слёзы! Вот он стоит - лицо преисполнено скорби, окровавленные ступни Учителя перед глазами. Разве его душевное переживание лишено мужества? Разве его отчаяние лишено выдержки?

А слёзы Иисуса! Они подступили в Саду. Я уверен: они лились из Его глаз и на кресте. Разве это знак слабости? Разве те следы слёз на Его щеках означают, что Ему не хватало мужества и твёрдости в характере?

Конечно, нет.

Вот оно - главное. Это не слёзы, о которых говорят, они - олицетворение. Они - сердце, сущность и душа человека. Закрыть на ключ душевные переживания - значит похоронить то, что нас делает похожими на Христа!

Особенно, когда восходите на Голгофу.

Нельзя идти к кресту без сердца, с холодным рассудком. Так не делается. Голгофа - не прогулка ума, не интеллектуальные упражнения, не пророческое предвидение и не холодный теологический принцип.

Голгофа - рвущий сердце час душевного переживания.

Не уходите оттуда с сухими глазами, не взволнованные. Не поправляйте галстук, не откашливайтесь. Не позволяйте себе спуститься с Голгофы собранными и спокойными.

Пожалуйста.... подождите. Взгляните вновь.

То - гвозди, пробившие руки.

То - Бог на кресте.

Это мы привели Его туда.

Пётр знал это. Иоанн знал это. Мария знала это.

Они знали: великая цена заплачена. Они знали, кто действительно проткнул Ему рёбра. Кроме того, они знали как-то, что история переделывается.

Вот почему они плакали.

Они видели Спасителя.

Боже, пусть мы никогда не будем настолько «образованными», пусть мы никогда не будем настолько «зрелыми», пусть мы никогда не будем настолько «верующими», чтобы взирать без слёз на Твои крестные муки!

ЧАСТЬ 3

КРЕСТ: ЕГО МУДОСТЬ

Живой!

Дорога. Темно. Звёзды. Тени. Четверо. Обуты в сандалии. В широких одеждах. Безмолвие. Тревога. Сад. Деревья. Теперь один. Сомнения. Скорбь. «Отче!» На челе пот. Бог. Человек. Богочеловек. Распростёрт ниц. Кровь. «НЕТ!» «Да». Ангелы спустились. Успокоение.

Шаги. Факелы. Голоса. Римляне. Замешательство. Блеск мечей. Поцелуй. Смушение. Предательство. Напуганные ученики. Бежим! Связан. Наручники. Его уводят.

Здание суда. Священники. Лампады. Синедрион. Каиафа. Седобород. Насмешлив. Надменен. В шелках. Заговорщик. Босой. Связан. Но спокоен. Бьют в лицо. Бьют ногами. Анна. Раздражён. Мессия? Суд. Назаретянин. Уверен в себе. Вопрос. Ответ. Удар по лицу!

Петр. «Я?» Крик петуха. Трижды. Виновен.

Суд. Заседание. Отклонить. Повинен. Измучен. Бледен. Свидетели. Ложь. Противоречия. Молчит. Изумление. «Богохульник». Гнев. Ожидание. Избит. Вывален в грязи. Изнурён. Охранники. Оплевывают. Завязали глаза. Осмеивают. Град ударов. Факелы. День окончен.

Восход. Золотит. Иерусалим. Храм. Пасха. Жертвоприношения. Агнец. Молящиеся. Священники. Мессия. Слышали. Обманщик. Узник. Ждут. Стоят. Переминаются. Стратегический замысел. «Пилат!» Ловушка. Убийцы. Выход.

Волнение. Плац. Толпа. Разрастается. Римляне. Пилат. Тога наместника. Раздражен. Нервничает. Офицеры. Туники. Копья. Тишина. «Какие обвинения?» «Богохульство». Безразличен. Игнорирует (жену, сон). Обеспокоен. Беседует. Дерзость. Боль. Решителен. «Царь?» «Рай». «Истина». «Истина?» Сарказм. (Страх.) «Невиновен!» Рёв толпы. Голоса. «Галилеянина» «Галилея?» «К Ироду!»

Начало дня. Идут. Дворец. Ирод. Корона, мантия, скипетр. Толст. Хитёр. Интриган. Зал, роскошь, тишина. Манипулируют. Бесполезно. Досада. Оскорбляют. Глумятся. «Царь?» Рядят в мантию. Ломают комедию. Циничны. Ненавидят. «К Пилату!»

Ведут. Волнение в народе. Узник. Толпа стихает. У Пилата. «Невиновен!» Столпотворение. «Варавву!» Иисус - у стены босой, связан. Спина. Хлыст. Удар с плеча. Свист бича. Рвёт плоть. До кости. Стон. Терзают плоть. Ритм: молчит - удар, молчит - удар, молчит - удар! Терновый венец. Истерзан. Завязывают глаза. Насмешки. Глумление. Венценосец. Пощечина. Правитель. Обезумевший от боли. (Почти). Глаза. Иисус. Решение. Власть. Свободу? Угрозы. Зеваки. Орут. Малодушный. Чаша. Вода. Колебался. Компромисс. Кровь. Вина.

Солдаты. Воры-осужденные. Крест. Плечо. Тяжесть. Крест. Очень тяжёл. Солнце. Шатается под тяжестью. Склонился под тяжестью. Дома. Лавки. Лица. Рыдания. Ропот. Паломники. Женщины. Смятение. Булыжная мостовая. Изнеможён. Задышается. Симон. Жалость. Голгофа.

Лобное место. Голгофа. Кресты. Казнь. Смерть. Полдень. Слёзы. Зеваки. Причитания. Вино. Нагой. Избит. Распух от побоев. Крест. Табличка. На земле. Гвозди. Забивают. Забивают. Забивают. Прибит. Искажён. Жажда. Ужасная. Милость. Мучительная боль. Поднят крест. Установлен крест. Казнён. Повешен. Спазмы. Дышит с трудом. Сарказм. Губка. Слёзы. Глумление. Прощение. Игральные кости. Бросают жребий. Темнота.

Абсурдность.

Смерть. Жизнь.

Боль. Покой.

Осуждение. Обетование.

Нигде. Где-то

Его. Нас.

«Отче!». Разбойники. Рай. Стенания. Плач. Ошеломлены. «Вот мать твоя». Сострадание. Темнота. «Мой Бог!» Напуганы. Жертвенный Агнец. Дикость. Укус. «Отче!» Тишина. Вдох. Смерть. Освобождение.

Сотряслась земля. Кладбище. Могилы. Умершие. Тайна. Занавес. Копьё. Кровь. Вода. Благовония. Полотна. Гробница. Страх. Ожидание. Отчаяние. Камень. Мария. Бежит. Неужели? Пётр. Иоанн. Вера. Озарение. Истина. Человечество. Живой. Живой. Живой!

Распростёртое объятие

Честное слово, нельзя сказать, что они из числа тех, кого заносят в книгу «Кто есть кто в чистоте и святости». Действительно, что-то в их шалостях и жизненной позиции заставляет вас вспомнить о тех, кто попадает в участок субботним вечером. Как-то мало у этой бесшабашной компании нимбов святости, которые, может быть, сумели бы хоть немного исправить и навести на них глянец. И всё же, как ни странно, но именно они делают этих людей обновлёнными, настолько меняя их, что о терпеливости Господней не стоит и упоминать, чтобы обнаружить обновление в этих людях. Если вы когда-либо заинтересуетесь, какое же всё таки применение Бог может найти для вас, чтобы изменить мир, взгляните на этих людей.

На каких людей? Людей, которые служили Господу, изменяя историю. На тех, кто в жизни никогда ни кем не стал бы и никогда бы ничего не имел, но кто, однако, обрёл надежду не в своём служении, а в вошедших в поговорку распахнутых руках Господа.

Начнем с Авраама. Этот Отец Нации, хотя и превознесённый Павлом за свою веру, был не без слабостей. Он был изрядным вралем! Однажды для того, чтобы спасти свою шею, он сболтнул, что Сара не жена, а сестра его, что было отчасти правдой. (36) А потом, немного позже, соврал опять! «И сказал Авраам о своей жене Саре: «Она моя сестра».(37) Дважды он променял чистоту на спасение. И это то, что вы называете твёрдостью в Божьем обетовании? Можно созидать нацию на такой вот вере? Богу можно. Господь опирался на хорошее и прощал плохое; чтобы создать нацию, Он призвал «того, с раздвоенным языком».

Имя ещё одного отца семейства - Моисей. Определённо, оно - одно из самых великих в истории. Но пока Моисею не исполнилось восьмидесяти лет, он выглядел как принц из сказки, ставший разбойником. Вы бы выбрали для вывода народа из рабства разыскиваемого убийцу? Призвали бы беглеца нести миру Десять Заповедей? Господь, да. «И звал Он его отовсюду: прямо с пастбища овец, взывал к нему... из середины горящего куста», напугал старого Моисея и заставил его снять обувь! И вот с трясущимися от страха коленками, с вопросом на лице «Кто я?» - Моисей согласился вернуться на «арену борьбы».

А что вы скажете о таком субъекте, чьё вождение плоти стало настолько велико, что от него забеременела женщина, а он виновником постарался выставить мужа, отправил его на смерть, а потом продолжал жить как ни в чем не бывало? Наверное, вы бы сказали, что он пришёлся Богу по душе. Жизненный путь Давида оставляет желать много лучшего, но его дух покаяния был несомненным.

Теперь об Ионе - Божьем посланнике в Ниневию. У него, у Ионы, были другие планы: не было у него желания отправляться в тот языческий город. Поэтому он вскочил на другой корабль, пока Господь не смотрел на него (или, по крайней мере, так думал Иона). За это Бог отправил его в чрево кита, чтобы привести в чувство. Но даже кит был не в состоянии терпеть этого миссионера слишком долго. Хорошая отрыжка - и Иона перелетает через прибой и приземляется на берегу, изумлённый и раскаявшийся. (Это делается для того, чтобы показать, что хорошего человека нельзя долго задерживать).

А истории продолжают и продолжают: Илия, со своей вечно недовольной гримасой; слишком много знавший царь Соломон; махинатор и ловкач Иаков; Гомерь-блудница; Сара - та, что хихикала над Господом. Одна история за другой, в которых Бог опирается на самое лучшее в человеке и преодолевает самое худшее в нём.

Даже генеалогия Иисуса присолена наличием двух, трёх подозрительных личностей - Фомарь, нарушившая супружескую верность, блудница Раав, Вирсавия, любившая купаться в ванне, стоявшей в неподходящем месте.

Для изменения мира Богу служили (и служат!) люди. *Люди!* Не святые, супермены или гении, а люди. Мошенники, жулики, лжецы, прелюбодеи - урок убеждения очевиден. Господь им всем находит применение. Может быть, им далеко до совершенства, но Бог компенсирует это любовью.

Позже Иисус обобщил эту упорную любовь Господа в притче. Он рассказал о подростке, решившим, что жизнь в деревне совсем не в его вкусе. Поэтому, набив карманы деньгами наследства, он отправился искать развлечений. Но вместо этого нашёл похмелье, друзей на час удачи и длинные очереди безработных. И когда жизнь его стала настолько скотской, что её нельзя было дольше терпеть, он проглотил гордость, засунул руки поглубже в карманы и начал длинный путь домой, при этом постоянно повторяя слова, которые собирался сказать отцу.

Но так и не произнес их. Как раз когда сын поднялся на пригорок, отец, всё это время ждавший его у ворот, увидел сына. Все сыновние "прости" потонули в словах прощения отца. И изнуренное тело сына упало в распростёртые отцовские руки.

Ему открылось то же распростёртое объятие, что когда-то приветствовало Авраама, Моисея, Давида и Иону. Никто не грозил пальцем. Не было сжатых кулаков. Никаких хлёстких фраз типа: «Я же тебя предупреждал!» Никаких вопросов: «Где ты был?» Ни скрещенных рук, ни потемневших глаз и надутых губ. Ничего подобного.

Только ласковые открытые руки. Если вам когда-нибудь захочется узнать, какое применение Господь может найти для вас, чтобы изменить мир, вспомните тех, кто уже служил Богу и мужайтесь. Увидьте прощение в тех распахнутых руках - и смелее вперед!

Кстати, никогда эти руки не были распротёрты так широко, как на кресте. Одна рука откинута назад, в прошлое, другая простирается вперед в будущее. Объятие прощения предложено любому, кто придёт. Он - насадка, собирающая под свои крылья цыплят; отец, встречающий с распротёртыми объятиями своё чадо. Избавитель, спасающий мир!

Неудивительно, что Его называют Спасителем.

Уличный торговец по имени умиротворённость

Ах... час умиротворённости. Драгоценное время покоя. Несколько минут отдыха. У каждого из нас есть моменты, когда к нам заглядывает умиротворённость.

Рано утром, пока кофе горячий и все ещё спят.

Поздно вечером, когда целуешь шестилетние сонные глазки.

В лодке на озере, когда так живы воспоминания о хорошо прожитых днях.

В компании с Библией, зачитанной, с загнутыми страницами и даже со следами слёз.

В объятиях любимой половины.

За обеденным столом в День Благодарения или сидя у камина и рождественской ёлки.

Час умиротворённости. Час, когда забыты крайние сроки сдачи материала для очередного номера журнала, когда вы отложили в сторону свои устремления. Час, когда то, что имеем, милее того, что хотим. Час, когда осознаёшь, что время работы до изнеможения, не может дать того, что дал однажды крест - чистую совесть и возможность начать снова.

Но, к сожалению, бегая, как белка в колесе, по кругу наших планов и расписаний, часы, подобные этим, встречаешь не чаще, чем одноногую обезьяну. В нашем мире умиротворённость - необычный уличный торговец, который бродит по улицам, ищет открытую дверь, но редко её находит. Этот старик медленно движется от дома к дому, барабанит в окна, стучит в дверь и предлагает свои товары: часок покоя, улыбку ободрения, вздох облегчения. Но их редко кто покупает. Мы слишком заняты для умиротворённости. И это - безумие, поскольку, считая, что обретём душевный покой завтра, мы убиваем себя сегодня.

«Я думаю, не сейчас. Слишком много нужно сделать, - говорим мы. - Слишком много нужно для карьеры, слишком многого надо успеть добиться. Нужно заработать много денег. Скорее подняться по служебной лестнице. А кроме того, если я почувствую успокоенность, кто-то подумает, что я лишен честолюбия».

Вот так ни с чем и идёт по улицам тот, кто предлагает умиротворённость. А когда я спросил, почему так немногие приглашают его в свои дома, ответ его оставил чувство вины в моей душе. «Знаете, я назначаю высокую цену. Я требую большой

задаток... Я прошу людей в счет новой покупки сдать мне их расписания, разочарования, волнения. Я требую, чтобы они предали огню бессонные ночи и долгую суету дня. Вы полагаете у меня бывает много покупателей?» Он поскреб бороду, а потом добавил печально: «Странно, но люди, кажется, гордятся своими язвами и головной болью».

Можно мне поделиться с вами кое-чем личным? Я бы хотел засвидетельствовать о реальном визите Умиротворённости. Я здесь для того, чтобы рассказать, как однажды утром в гостиной я принимал этого бородатого торговца.

Это было нелегко.

Список дел по большей части не был выполнен. Обязательства, как всегда, просто не терпели отлагательств: нужно позвонить, нужно написать письма, нужно подвести баланс в чековых книжках.

Готовый приступить к скучной работе я столкнулся с забавным эпизодом, плавно нейтрализовавшим моё состояние. Как раз, когда я засучил рукава для работы, как раз, когда я, как старый автомобиль, урчащий и готовый тронуться с места, собирался развести пары, потребовалось взять на руки мою малютку-дочку: у неё разболелся животик. Мама в это время была в ванной, так что нянчить её выпало папе.

В тот день ей было три недели от роду. Сначала я попробовал одной рукой держать её, а другой делать дела. Вам смешно. Вы тоже пробовали так делать? И вот, поняв невозможность затеи, я осознал, что и не хочу этого делать.

Сев, я крепко прижал её маленький животик к своей груди. И она начала успокаиваться. Глубоко вздохнула. Её хныканье перешло в бульканье. Тельце сползло вниз по моей груди до тех пор, пока её маленькое ушко не оказалось прямо у моего сердца. И вот тогда её ручки стали мягкими, и она заснула.

Это был момент, когда в мою дверь постучался тот уличный торговец.

До свидания, расписание. До встречи, работа. Приходите завтра, материал для номера... Привет, Умиротворённость, давай заходи.

И вот мы сидим: Умиротворённость, моя дочь и я. Ручка в руке, блокнот для записей на спине у дочери. Этого момента она никогда не будет помнить, а я его никогда не забуду. Комната наполнена сладким ароматом захватывающего мгновения. Я чувствую вкус реализованной возможности. Солнечный свет выученного урока озаряет моё сознание. Это тот самый момент, который остаётся навсегда.

Задания? Они будут выполнены. Звонки? Они будут сделаны. Письма? Они будут написаны. И вы знаете как? Всё это будет сделано с улыбкой.

Я не часто так поступаю, но собираюсь поступать так ещё. По правде говоря, я подумываю, не отдать ли мне ключ от двери тому уличному торговцу. «Между прочим, Умиротворённость, что вы делаете сегодня в полдень?»

Близко к кресту, но далеко от Христа

У подножия креста продолжали бросать кости.

Видите эту сцену? Солдаты сгрудились в кружок, глаза смотрят вниз. Преступник над ними забыт. Они играют на кое-какую оставшуюся одежду. Туника, плащ, сандалии

- всё присвоено. Бросая кости на твёрдую землю, каждый солдат держит пари на удачу, надеясь обогатить свой гардероб за счет распятого плотника.

Меня всё время интересует, как должна бы выглядеть эта сцена в глазах Иисуса. О чём Он думал, глядя вниз, где под Его окровавленными ногами, собравшись в кружок, игроки бросали кости. Какие чувства Он испытывал? Он, должно быть, был изумлён. Вот здесь простые солдаты становятся свидетелями самого необычного в мире события, а они даже не знают об этом. Для этих солдат это просто ещё одна пятница, а Он ещё один преступник.

«Ну, давай быстрее, твоя очередь!»

«Ладно, ладно - это бросок за сандалии».

Бросают жребий на имущество Христа. Головы опущены. Глаза смотрят в землю. Крест забыт.

Символизм этой сцены поразителен, не так ли? Он заставляет задуматься о нас. О верующих. О тех, кто претендует на наследие креста. Я думаю обо всех нас. О каждом верующем на земле. О консерваторах в религии. О тех, у кого более свободные взгляды. О тех, кто придерживается строгих правил и более простых. О богатых церквях. О бедных церквях. О харизматиках, «преисполненных духом» и тех, кто верит в царство Христово на земле после Судного дня. О проповедующих Евангелие и принимающих участие в политической жизни. О тех, кто буквально верит в то, что написано в Библии, и кто отвергает логическое в Ней. О католиках и лютеранах. О простых священниках. О тех, кто верит во второе рождение, и тех, кто всё время кричит «аллилуйя».

Я думаю о нас.

Я думаю, что мы не так уж и не похожи на тех солдат (извините, что говорю это).

Мы тоже играем в игры у подножия креста. Мы конкурируем за то, чтобы стать их участниками. Мы боремся за общественное положение. Мы судим и осуждаем. Соперничество. Эгоизм. Личные достижения. Это всё там, у подножия. Нам не нравится, что делали другие, поэтому мы забираем выигранные «сандалии» и уходим в раздражении.

Мы так близко у этих бревен креста и так далеко от крови, пролитой на нём.

Мы так близки к самому необыкновенному явлению мира, а ведём себя как самые заурядные игроки в кости, сгрудившиеся кучей в перепалке, отстаивая свои дурацкие интересы.

Сколько часов было потрачено на проповедование банальностей? Сколько церковью распалось из-за никчёмности? Сколько известных деятелей оседливали своих излюбленных коньков, обнажало мечи горечи и с энтузиазмом отправлялось на битву с собратьями по вопросам, не стоящим обсуждения?

Мы так близки к кресту и так далеки от Христа.

Наша специальность - быстрый обмен ударами типа «Я прав». Мы пишем книги о том, как неправильно поступают другие. Мы специализируемся на отыскивании слухов и становимся экспертами в обнажении человеческих слабостей. Мы сбиваемся в маленькие группы, а затем, о Боже, опять разбегаемся в стороны.

Ещё одно наименование. Ещё одна доктрина. Ещё одно «заблуждение». Ещё одно вероисповедание, как ещё одна партия в покер. Господь наш, должно быть изумлен, глядя на нас.

Засунув большие пальцы рук за отвороты пиджака, мы ухмыляемся: «Какие эгоисты те солдаты. Они были так близко у креста, и всё же так далеко от Христа».

А мы? Неужели так отличаемся от них?

Наши расхождения во взглядах так многочисленны, что мы их не можем систематизировать. Так много ответвлений, что даже у них есть свои побеги.

Ну... а теперь серьёзно.

Неужели наши отличия существуют, чтобы разделить нас? Неужели наши мнения существуют, чтобы выделить нас? Неужели наши стены существуют, чтобы развести нас в стороны? Неужели из-за этого невозможно объединиться ради общего дела?

«Пусть все они будут едины», - молился Иисус.

Едины. Не едины в группах по две тысячи человек. Но едины в одном. Одна церковь. Одна вера. Один Господь. Не баптисты, не методисты, не адвентисты. Просто христиане. Нет названий. Нет иерархий. Нет обрядов. Просто Христос.

Слишком идеалистично? Невозможно достичь? Я так не думаю. Вы знаете: и более трудные дела делались. Например, однажды на кресте Творец отдал Свою жизнь за своё творение. Может быть, всё, что нам нужно, так это несколько сердец, готовых подражать.

Ну, а как вы? Вы можете построить мост, соединяющий берега? Бросить спасительную веревку через бездну? Молиться за единство? Можете ли вы быть тем солдатом, который приходит в себя, вскакивает на ноги и напоминает всем нам: «Эй, то Бог на кресте!»

Пугающая схожесть между игрой солдат в кости и нашими играми. О чём думал Иисус? О чём Он думает сегодня? Игра в кости всё ещё продолжается. И это у подножия креста.

Мгла разбитого сердца

Мгла разбитого сердца.

Это - мрачный туман. В нём, как в темнице, заключена душа, которой не легко выбраться из неё. Туман, где гложут все звуки. Туман, который заслоняет солнце и предваряет тьму. Это - грозная туча, не взирающая ни на время, ни на людей. Депрессия, упадок духа, разочарование, сомнение... всё говорит о её ужасном присутствии.

Мгла разбитого сердца меняет ориентиры нашей жизни. Мы хуже видим дорогу. Переключайте подфарники. Протирайте ветровое стекло. Снижайте скорость. Делайте, что угодно, - ничего не поможет. Когда вас окружает этот туман, видение ограничивается, и кажется, что завтра никогда не наступит. Когда непроглядная темень окутывает вас, самые искренние слова помощи и надежды кажутся просто пустыми фразами.

Если вас когда-либо предал друг, вы знаете, что я имею в виду. Если вас когда-либо оставил супруг или супруга или родители покинули вас, вы видели эту мглу. Если вы когда-либо бросали горсть земли на гроб любимого человека или не отходили от постели больного, дорого вам существа, вы тоже узнаете эту грозную тучу.

И если вы оказывались в этой мгле или она окружает вас сейчас, можете быть уверены только в одном - вы не одни. Даже самые отважные морские волки теряли самообладание перед лицом этой неожиданной мглы. Как сказал один комик: «Если бы разбитые сердца можно было использовать для коммерческой рекламы, нас бы всех показывали по телевидению».

Окиньте взором последние два, три месяца. Как много разбитых сердец вы повстречали? Свидетелями скольких израненных душ вы были? О скольких трагических историях вы прочитали?

Мои собственные воспоминания впечатляют меня:

Женщина, потерявшая мужа и сына в нелепой автомобильной катастрофе.

Миловидная мать троих детей, которую бросил муж.

Ребенок, погибший под колёсами проезжавшего мусоровоза, когда выходил из школьного автобуса. Это произошло на глазах у матери, поджидавшей ребенка из школы.

Родители, обнаружившие своего подростка-сына мертвым в лесу недалеко от дома. Сын удавился на собственном ремне.

Этот список можно продолжать и продолжать, неправда ли?

Трагедии, несущие мглу. Как они ослепляют нас и разбивают наши мечты! Расстаньтесь с любыми надеждами повлиять на мир! Расстаньтесь с любыми планами изменить общество! Расстаньтесь с любыми стремлениями сдвинуть горы! Забудьте обо всем этом! Кто-нибудь просто помогите пережить эту ночь!

Мука разбитого сердца.

Но побудьте со мной ещё мгновение, чтобы стать свидетелями, возможно, самой мглистой ночи истории. Сцена очень проста; вы её быстро узнаете. Роща старых олив. Скалистая земля. Низкий каменный забор. Тёмная, тёмная ночь.

А теперь взгляните в эту картину. Смотрите пристально сквозь густую листву. Видите ту одинокую фигуру? Видите того человека? Что он делает? Он распростёрт ниц. Лицо, перепачканное землей со слезами. Кулаки, бьющие о твердую землю. Широко раскрытые глаза, оцепеневшие от страха. Волосы, свалявшиеся от соленого пота. Что это, кровь на челе?

Это Иисус. Иисус в саду Гефсимании. Может быть, вы видели классический портрет Христа в этом саду? Он коленопреклонен у большой скалы. В белоснежной мантии. Руки мирно сложены в молитве. Взгляд безмятежности на лице. Над головою нимб. Луч света с небес освещает Его золотисто-каштановые волосы

Понимаете ли, я не художник, но могу вам сказать лишь одно. Человек, рисовавший ту картину, не брал за образец Евангелие от Марка. Посмотрите, что пишет апостол об этой полной страдания ночи.

«Пришли в селение, называемое Гефсимания; и Он сказал ученикам

Своим: посидите здесь, пока Я помолюсь. И взял с Собой Петра

Иакова и Иоанна; Его охватило ужасное волнение и тоска. Тогда

Он сказал им: душа Моя полна смертельной печали; побудьте здесь и пободрствуйте со Мной. И отошед немного, пал на землю и молился, чтобы, если возможно, миновал Его час сей; И говорил: Авва Отче! всё возможно Тебе; да минет Меня чаша сея; впрочем, не как Я хочу, а как Ты хочешь. Возвращается, и находит их спящими, и говорит Петру: Симон! ты спишь? не мог ты бодрствовать один час?

Бодрствуете и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна. И опять отошед, молился, сказав то же слово.

И возвратившись опять нашел их спящими; ибо глаза у них отяжелели; и они не знали, что Ему отвечать. И приходит в третий раз и говорит им: вы все еще спите и почиваете? Кончено, пришел час; вот, предаётся Сын Человеческий в руки грешников; Встаньте, пойдём: вот, приблизился предающий Меня». (38)

Посмотрите на эти фразы: «Ужас» и «тоска» овладели Им. «И душа Моя полна смертельной печали». «И отшед немного вперед, пал на землю».

Похоже ли это на картину святого Иисуса, отдыхающего на ладони Господа? Едва ли. Марк использовал черную краску для описания той сцены. Мы видим страдающего, напряженного и борющегося Иисуса - борющегося со страхом, помнящего об обязательствах, жаждущего утешения. Мы видим «мужа скорбей». (39)

Мы видим Его во мгле разбитого сердца.

Автор Послания к Евреям позже писал: «Он в дни плоти Своей с сильным воплем и со слезами принёс прошения и молитвы Могущему спасти Его от смерти». (40)

Боже, каков портрет! Иисус в страдании. Иисус на помосте страха. Иисус покрыт плащом не святости, а человеческих чувств.

В следующий раз, когда мгла достигнет вас, вероятно, будет правильнее вспомнить Иисуса в Саду. В следующий раз, когда вам покажется, что никто не понимает вас, перечитайте 14 главу от Марка. Если в следующий раз жалость к себе будет твердить, что вас никто не любит, нанесите визит в Гефсиманию. И в следующий раз, когда вам захочется узнать, действительно ли Господь ощущает боль, которой слишком много на этой пыльной планете, послушайте, как Он молится среди старых олив.

Знаете, что я думаю? Увидев Бога вот таким, с удивлением смотришь на собственные страдания. Иисус никогда не был более человеческим, чем в тот час. Господь никогда не был ближе к нам, чем в тот момент, когда страдал. Никогда Перевоплощение не было настолько полным, как в том Саду.

А в результате, время, проведенное во мгле страданий, вероятно, - самый большой дар нашего Создателя. Если правда, что в них Бог больше всего похож на человека, может быть, в нашем страдании мы увидим Бога таким, каким никогда до этого не видели Его.

В следующий раз, когда вас окликнет страдание, будьте внимательней. Может быть, это тот самый миг, когда вы ближе всего к Богу. Смотрите внимательней. Наверняка, мглу пронзает рука, протянувшаяся, чтобы вывести вас из тумана.

P'ao, senhor?

Вероятно, ему не было и шести. Грязное лицо, босой, рванная футболка, спутанные волосы. Он не очень-то отличался от других сотен тысяч таких же сирот, скитающихся по улицам Рио-де-Жанейро.

Я шел в ближайшее кафе выпить чашечку кофе, когда он подошел сзади. Поглощенный мыслям о деле, которое я только что закончил, и размышляя о занятиях,

которые собирался проводить, я едва почувствовал его легкое похлопывание по руке. Остановившись, я обернулся и, никого не заметив, продолжал путь. Однако, не успев, сделал несколько шагов, почувствовал ещё одно похлопывание. На этот раз я остановился и посмотрел вниз. Это был он. Из-за чумазных щек и угольно-черных волос его глаза казались светлее.

«Рао, senhor» (Хлеба, сеньор.)

Живущие в Бразилии ежедневно имеют возможность купить бутерброд или леденец для таких вот маленьких парий. Это самое малое, что можно сделать. Я сказал ему, чтобы он шёл за мной, и мы вошли в кафе. «Кофе для меня и что-нибудь вкусное для моего маленького друга». Мальчик подбежал к кондитерскому прилавку, чтобы сделать выбор. Обычно эти малыши берут еду и убегают прочь на улицу, не говоря ни слова. Но этот маленький парнишка удивил меня.

В кафе была длинная барная стойка: на одном конце кондитерские изделия, на другом - кофе. Поскольку мальчик занялся выбором, я отправился к другому концу стойки и принялся за кофе. Как раз в тот момент, когда мысли мои, до того сошедшие, как поезд с рельсов, вернулись назад к делам, я вновь увидел его. Он стоял у входа в кафе с хлебом в руке, и, приподнявшись на цыпочки, вглядывался в людей. «Что он делает?» - подумал я.

Потом увидев меня, засеменил в моём направлении. Он подошёл и остановился передо мной: глаза на уровне пряжки ремня. Маленький бразильский сирота посмотрел вверх на большого американского миссионера, одарил меня улыбкой, которая покорила бы ваше сердце, и сказал: «Obrigado» (Спасибо). Затем нервно скребя большим пальцем ноги заднюю часть лодыжки, добавил: «*Muiti obrigado*» (Большое спасибо.)

У меня неожиданно появилась сумасшедшее желание скупить ему весь ресторан.

Но прежде чем я успел сказать что-нибудь, он повернулся и выбежал за дверь.

Я пишу эти строки, стоя у барной стойки кафе, мой кофе остыл, и я опоздал на занятие: во мне всё ещё живёт чувство, пережитое полчаса назад. И я задаюсь вопросом. Если меня так тронул этот уличный сирота, поблагодаривший за кусок хлеба, во сколько крат больше Господь тронут, когда я останавливаюсь, чтобы поблагодарить Его - действительно поблагодарить Его - за спасение моей души.

Щенки, бабочки и спаситель

Когда мне было десять лет, у меня был щенок-девочка, по имени Тина. Вы бы её непременно полюбили: она была прелестным созданием. Неотразимый щен-пикинес с приплюснутым носом. Одно ухо у неё висело, а другое стояло торчком. В игре она была неутомима, но при этом никогда не мешалась под ногами.

Её мать умерла при родах, так что воспитание щенка легло на меня. Я вскармливал её молоком из бутылочки для кукол, а ночью, бывало тайком вставал, чтобы посмотреть тепло ли ей. Никогда не забуду ту ночь, когда я взял её к себе на постель только для того, чтобы она съела свою похлёбку на моей подушке. Мы хорошо смотрелись вдвоём. О, моё первое столкновение с родительством!

Однажды я вышел на задний двор, чтобы дать Тине обед. Осмотревшись, я заметил её в углу двора у забора. Она загнала в угол бабочку (насколько можно загнать бабочку в угол) и весело тьякала, подпрыгивая и пытаясь схватить её зубами. Удивленный, я наблюдал за ней несколько минут, а потом позвал.

«Тина! Иди сюда, девочка моя! Пора обедать!»

Что случилось далее - изумило меня. Тина перестала играть и посмотрела на меня. Но вместо того, чтобы сразу же подбежать ко мне, села на задние лапы, потом наклонила голову, оглянувшись назад на бабочку, вновь посмотрела на меня, а потом опять на бабочку и снова на меня. Первый раз в жизни ей приходилось принимать решение.

«Хочу» звало преследовать бабочку, насмешливо манящую, кружась в воздухе. «Должно» говорило, что полагается подчиниться хозяину. Классическая борьба намерений: война между «хочу» и «должен». Проблема, с которой хоть раз сталкивался каждый человек, теперь стояла перед моим маленьким щенком.

И знаете, что она сделала? Она преследовала бабочку! Бросившись с лаем за ней, она проигнорировала мой зов и преследовала это глупое создание до тех пор, пока та не перелетела через забор.

Вот когда пришло чувство вины.

Тина долго оставалась у забора, сев на задние лапы и подняв голову, туда, вверх, где нашла свое освобождение бабочка. Медленно возбуждение от преследования затмилось виной непослушания.

С тягостным чувством Тина повернулась и пошла назад, чтобы встретиться с хозяином. Её голова была опущена, когда она плелась через двор, полная раскаяния. (Честно говоря, я немного разозлился на неё).

Первый раз в своей жизни щенок испытывал вину.

Подавив “чувство долга”, Тина отдалась своему «хочу». Однако сердце моё скоро оттаяло, и я снова позвал её по имени (я всегда был мягким). Чувствуя, что её простили, Тина стрелой помчалась в мои руки.

Может быть, сейчас я немного утрирую тот случай. Не знаю, могут ли действительно собаки испытывать чувство вины или нет, точно знаю - человек может. Неважно, является ли проступок таким же незначительным, как преследование бабочки, или серьёзным, как соращение чужой жены, эффект будет тот же.

Вина подкрадывается на кошачьих лапах и крадёт любую радость, которая могла бы сверкать в ваших глазах. Уверенность заменяется сомнением, а честность вытесняется поиском оправданий. Уходит покой. Приходит беспокойство. Как только удовольствие от потакания прихотям проходит, наступает голод утешения.

Наше видение теряет остроту, и у нашей близорукой жизни теперь одна цель - найти избавление от вины. Или, как вопрошал Павел: «Несчастный я человек, кто меня избавит от этого тела смерти?» (41)

Это не новый вопрос. Едва открыв Библию, встречаемся с теми, кто справился, а чаще не сумел справиться чувством вины. Бунт Адама и Евы привел к тому, что они спрятались и испытали стыд. Ревность Каина привела к убийству и изгнанию. Вскоре страдало всё человечество. Стало так много зла, и люди грешили. Их сердца становились такими холодными, что не искали больше утешения для своей огрубевшей совести. «И раскаялся Господь, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце Своём». (42) Вот здесь, должно быть, самая страшная запись в Библии.

А всё из-за неспособности человека справиться с грехом.

Если бы только у нас была почка виновности, очищающая наши падения, или встроенная в нас резинка, стирающая наши проступки и помогающая жить в ладу с сами собой. Но этого нет. В этом-то вся проблема.

Сам человек не может справиться с виной. Когда создавали Адама, то его творили без этого умения справляться с чувством вины. Почему? Потому что он был сотворен, чтобы не совершать ошибок. Но совершив, не имел возможности справиться с виной. А когда Господь последовал за ним, чтобы помочь, Адам прикрыл наготу и не показывался от стыда.

Сам человек не может побороть вину. Должно быть, ему нужна помощь извне. Для того, чтобы чувствовать себя прощённым, нужно прощение обиженного тобой. Человек же слишком грешен, чтобы просить Бога о прощении.

Тогда вот она суть креста.

Крест сделал то, что не смогли сделать жертвенные агнцы. Он утолил вину не на год, а навсегда. Крест сделал то, что не смог сделать человек. Он даровал нам право разговаривать, любить и даже пребывать с Господом.

Сами вы этого сделать не можете. Это как в бейсболе не выбить тысячу, а в кегельбан не получить три сотни. Ни вы, ни я, никто другой не смогут сделать этого. Не интересно, сколько церковных служб вы посещаете и совершаете ли хорошие дела, вашей добродетели недостаточно. Вы не можете быть настолько добродетельны, чтобы заслужить прощение.

В этом мире мы виновны.

Вот почему нам нужен спаситель.

Ни вы не можете простить меня за мои грехи, ни я не могу простить вам ваши. Два ребёнка в грязной луже не могут очистить друг друга. Им нужен кто-то, кто чист. Кто-то, кто безупречно чист. И нам тоже нужен тот, кто чист.

Нам нужен спаситель.

Мы с вами нуждаемся в том, что было нужно моему маленькому щенку, а именно - Старшего, кто бы протянул руки и сказал: «Ну, давай, всё в порядке».

Нам не нужен хозяин, который будет судить нас за наши дела или за свои не оправдавшиеся ожидания. Попытаться попасть на небеса на собственной добродетели - всё равно, что попытаться попасть на Луну по лунному лучу: красивая идея, но ...

Послушайте, бросьте попытки заткнуть рот чувству вины. Вы не можете этого сделать. Способа не существует. Ни с помощью виски, ни посещая Воскресную школу. Извините, не имеет ни какого значения, насколько вы плохи. Нельзя быть настолько плохим, чтобы забыть вину. Равно, не важно, насколько добродетельны вы есть. Нельзя быть настолько хорошим, чтобы преодолеть вину.

Вам нужен Спаситель.

Откровение Господа

И хотя эта маленькая ферма была всего на расстоянии двух часов езды, по времени она находилась минимум в прошлом столетии.

Меня пригласил туда мой друг Себастьян, чья ферма находилась в предместье Марека - придорожного городишки километрах в ста от Рио-де-Жанейро. Себастьяну было 26 лет. Он работал на фабрике, посещал наш приход и изучал Библию. Высокий, неуклюжий, говоривший медленно, он не был похож на городских хлыщей. Честный и простой он всегда был готов на улыбку, вероятно, считая, что так легче жить в городских джунглях.

Я с радостью отнёсся к возможности побывать у бразильских крестьян. Однако не знал, что вскоре получу урок веры.

Как только в зеркальце заднего обзора последний раз мелькнул Рио с его отравляющей транспортной войной, я сразу же ощутил, как расслабляются мои шейные мускулы. Маленький фольксваген-седан нырнул и взбирался по живописной дороге, петлявшей по холмам. Пейзаж не был похож на ландшафты Кентукки с его чахлой растительностью. Всюду густая сочная зеленая трава, щедрые долины, веселые склоны холмов с бесчисленными стадами пасущихся коров.

Вскоре мы съехали с дороги с четырехрядным движением на двухрядное, а после полдюжины дорожных знаков «поверните направо» и «возьмите влево» въехали на грязную дорогу с односторонним движением.

«Обычно я езжу автобусом, - объяснил Себастьян. - А этот кусок мне приходится идти пешком». Легко сказать «кусок». По крайней мере ещё мили четыре мы взбалтывали редко поднимаемую пыль сельской дороги, по пути обогнав молодого парня, ведущего мула с двумя маслбойками. «То мой двоюродный брат, - словоохотливо пояснил Себастьян. - Каждое утро на рассвете он привозит свежее молоко». Узенькая дорога вела нас через мириады оттенков красок: белоствольные эвкалиптовые деревья, стоящие, как свечи, на пироге темно-зеленого пастбища, бриллиантово-голубое бразильское небо, и холмы - от коричневатых до красных.

«Остановитесь здесь», - было сказано мне, и я нажал на тормоз перед большими деревянными воротами, подвешенными на два столба забора. «Подождите минутку, я открою ворота».

Если я считал, что дорога, по которой мы только что ехали, маленькая, то та, которая вела нас от ворот к дому, была просто невидима. Я продолжал размышлять о надобности джипа, когда мы вязли в траве, царапали крышу о кустарники, еле передвигаясь между деревьями и, наконец, оказались на открытом участке, рядом со старым оштукатуренным домом.

Нас поджидал отец Себастьяна, сеньор Хосе. Он выглядел не старше семидесяти с небольшим. На глаза падала тень от старой соломенной шляпы. Увидев нас, он улыбнулся беззубой улыбкой. У него была бочкообразная грудь и узкая талия. Жёсткие и широкие ладони говорили о многих часах работы с тяпкой во время посадки. На его плоских босых ступнях пятнами присохла земля.

«Хорошо, что приехали», - приветствовал он нас. И можно было быть уверенным, что он имел в виду именно это.

Их маленький дом воскресил в моей памяти картины Соединенных Штатов времен Великой Депрессии, виденные мной когда-то. Керосиновые лампы - электричества нет. Тазы и ведра для мытья посуды и чистой воды - водопровода нет. Вдоль стен стояли долго служившие тяпки, лопаты и вилы - современных механизмов нет. Кухня представляла собой отдельную хижину, пристроенную рядом с передней

дверью дома. Меня заинтересовала печь. Она была сложена из обожженного шлама, сформованного в длинные узкие бруски: четыре фута длиной и три фута высотой. По центру плиты проходил четырех или пятидюймовый желоб, куда клали дрова. Вездесущие горшки для приготовления бобов и риса стояли с двух сторон от горячего желоба.

Я устал: сказывался долгий путь от Рио.

Сеньор Хосе взялся показать мне часть своего мира. Тридцать семь лет он пахал и возделывал два акра земли, и было очевидно, что он знал на ней каждую ямку и каждый бугорок.

«На этой земле я выкормил четырнадцать ртов», - улыбнулся он, указывая на посадки салата-латука.

- Откуда ты, говоришь?

- Из США

- Чем занимаешься?

Я немножко рассказал о своей работе. Он не ответил, а повёл меня к маленькому ручейку, где сел на валун и начал раздеваться.

- Будешь купаться, батя? - спросил подошедший Себастьян.

- Да, ведь суббота.

- Хорошо, увидимся в доме.

И Себастьян повёл меня назад через плантацию сахарного тростника, где срезал стебель, зачистил его и дал мне кусок пожевать. Подойдя к дому, мы сели за обеденный стол. Скамейки у стола были отполированы десятилетиями сидения на них.

Вскоре появился сеньор Хосе в чистых брюках, шляпа снята, волосы мокрые.

И хотя мы не виделись около получаса, он возобновил разговор как раз с того места, на чём мы остановились (можно было подумать, что он всё это время размышлял о нём).

- Миссионер, значит? Должно быть, твоя работа очень легкая.

- То есть как?

- У меня нет проблем с верой в Бога. Поскольку я вижу, что Он делает на моей ферме год за годом, то верить очень легко.

Он ещё раз улыбнулся своей беззубой улыбкой и крикнул жене, чтобы принесла бобов.

По дороге домой я не переставал думать о сеньоре Хосе. Боже, какая простая жизнь! Ни тебе автомобильных пробок, ни расписания авиарейсов, ни длинных очередей. Как он далёк от закладных, Уолл-Стрита и Международного общества Красного Креста. Незнаком с теологией Иоганнина, с Мартином Лютером или христианскими спорами.

Я думал о его вере, о его способности верить и о его удивлении, что есть кто-то, кто может не верить. Я сравнил его веру с верой тех других, которые, как я знал, сталкиваются с трудностями в вопросах веры: студенты университетов, бизнесмены, инженеры. Какая разница между ними и Хосе!

Корни его веры уходили в простые чудеса, свидетелями которых он был каждый день.

Маленькое семечко превращается в высокое дерево.

Тоненький стебелёк пробивает землю

Радуга аркой повисает среди грозных облаков.

Ему легко было верить. И я понимаю, почему. Тот, кто является свидетелем величия Божественного проявления каждый день, не считает таинство Пасхи абсурдом. Тот, кто в средствах жизни зависит от таинств природы, находит нетрудным зависеть от невидимого Бога для своего спасения.

Джонатан Эдвардс писал: «Природа - это самый великий проповедник Бога».

Апостол Павел писал: «Вера не в мудрости человеческой, а в силе Божьей». (43)

И Давид писал: «Откровения Господа умудряет простых». (44)

Откровения Господа. Когда в последний раз вы были их свидетелями? На прогулке по зеленому лугу, где трава по колено. Час, что вы провели, слушая чаек или рассматривая ракушки на пляже. На живительной заре зимнего дня, наблюдая за лучами солнечного света, сверкающего на снегу. Чудеса, сравнимые со значимостью пустой могилы Христа, происходят вокруг нас постоянно; нам только нужно обратить на них внимание.

Старый бразильский фермер изложил мне проверенный временем принцип, который может найти отклик в душе каждого. Он напомнил мне, что существует определенное понимание Господа на кресте, которое приходит только, если стать свидетелем Его ежедневного откровения. Наступает момент, когда следует отложить перо и воздержаться от комментария, следует покинуть конторы и библиотеки, чтобы действительно понять и поверить в чудо на кресте. Для этого хорошо бы стать свидетелями чудес Господа каждый день.

Динамит и принятие решений

Я всё ещё посмеиваюсь, вспоминая услышанный мною забавный случай о том, как распорядителю игр преподали экспресс-урок ловли рыбы.

По-видимому, началось всё с того, что он обратил внимание, как один обстоятельный молодой человек, по имени Сэм, постоянно приносил рыбы больше, чем кто-либо. Когда другие ловили по три - четыре рыбины в день, Сэм возвращался с озера в лодке, полной рыбы. День за днём его лодка всегда была набита только что пойманной форелью.

Заинтересованный распорядитель спросил Сэма о секрете успеха. В ответ удачливый рыбак пригласил распорядителя игр поехать с ним и посмотреть самому. Итак, на следующее утро эти двое встретились на причале и отправились в лодке Сэма. Достигнув середины озера, они остановили лодку, и распорядитель пересел на другую скамью, чтобы увидеть, как делается дело.

Подход к решению проблемы у Сэма был прост. Он вытащил шашку динамита, поджёг её и подбросил в воздух. Над озером прогремел взрыв такой силы, что оглушенная рыба тотчас появилась на поверхности. Сэм закинул сеть и начал вычерпывать рыбу.

Да... можете представить себе реакцию распорядителя игр! Оправившись от шока после всего увиденного, он принялся орать на Сэма: «Как ты смеешь делать такое! Послушай, я засажу тебя в тюрьму. Ты заплатишь штраф за каждую рыбину, засчитанную тебе!» Тем временем Сэм отложил сеть и вытащил ещё одну шашку

динамита. Он поджёг её и швырнул на колени распорядителя игр со словами: «Будешь здесь сидеть целый день и скулить или будешь ловить рыбу?»

Бедного распорядителя поставили перед принятием быстрого решения. За секунду его силой сдёрнули с места наблюдателя на скамью соучастника. Нужно было сделать выбор быстрый и неотвратимый как взрыв.

Вот так и жизнь. И нескольких дней не проходит без встречи лицом к лицу с принятием непредвиденных, незваных и даже неизбежных решений. Как падающий снежный ком, эти решения обрушиваются на нас без предупреждения. Они дезориентируют и сбивают нас с толку. Быстро. Мгновенно. Неожиданно. Никаких консультаций, никакого изучения вопроса, никаких советов. Бах! Совершенно неожиданно вас швыряет в сферу неопределенности, и только инстинкт подскажет приземлитесь ли вы на ноги.

Хотите хороший пример? Взгляните на трёх апостолов в Саду. Крепко спят. Отяжелевшие от сытой еды и трудовой недели. Веки тяжело набрякли, их будит Иисус, а они вновь погружаются в сон. Однако в последний раз их разбудил Иисус навстречу лязгу мечей, ярким факелам и громким крикам.

- Он там!

- Давай, хватай его!

Крик. Поцелуй. Шарканье ног. Лёгкая стычка. И неожиданное время решений. Некогда посоветоваться. Некогда помолиться. Некогда поразмышлять или проконсультироваться у друзей. Нужно решение.

И Пётр принимает своё. Выхватывается меч из ножен. Отсекается ухо. Иисус упрекает его. А что после этого?

Марк, который, очевидно, был наиболее молодым свидетелем, написал такие слова: «И оставив Его, сбежали все». (45)

Вот прекрасный случай сказать, что они бежали, как испуганные мыши. Все. Каждый. Даже Пётр? Да, даже Пётр. А Иаков? Да, и Иаков. И Иоанн? Иоанн, Его любимец? Да, Иоанн тоже бежал. Они все сбежали. Решение напало на них как приведение Дня всех святых, и они мгновенно сбежали. Только пульс стучал быстрее, чем мелькали ноги. Все прежние слова о преданности и обязательствах остались позади в облаке пыли.

Однако, давайте взглянем на себя, прежде чем сурово осудить этих быстроногих последователей Христа. Возможно, и мы не единожды побывали в саду решений. Ведь наша верность хотя бы раз оспаривалась? И всегда ли мы проходили мимо дверей соблазна?

Для подростка это могла бы быть сигарета с марихуаной, пущенная по кругу. Для бизнесмена - предложение получить небольшую наличность «под столом». Жена не прочь поделиться «парочкой» пикантных сплетен, студент - получить отметку по шпаргалке друга, муж, желающий сорвать зло на том, как проводит время его жена. Вот мы спокойно сидим в лодке на озере, разговариваем о рыбалке, а в следующее мгновение у нас в руках шашка динамита.

Чаще всего конечный результат этого - катастрофа. Вместо того, чтобы спокойно выдернуть запал, мы позволяем динамиту взорваться; то есть делаем то, чего больше всего не хотим. Малое дитя, неразумное и неуправляемое, что сидит внутри нас, устремляется вперед, а наше взрослое 'я' плетется сзади, покачивая головой.

Но так не должно быть. Иисус тоже слышал лязг мечей и видел дубинки, но Он не потерял головы. А ведь римлянам была нужна именно Его голова! Он не паниковал.

Перечитав сцену в Саду, можно понять, почему. Одно утверждение, сделанное Учителем, предлагает нам два главных способа остаться спокойными в разгар принятия решения. «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение». (46)

Первый способ - «бодрствуйте», будьте на страже, смотрите в оба. Когда видите, что приближается грех, уклонитесь от него. Когда предвидите труднопреодолимое столкновение, обойдите его. Когда чувствуете соблазн, пойдите другой дорогой

Всё, о чем говорит Иисус, - это: «Будьте внимательны». Вы знаете свои слабости. Кроме того, знаете, в каких ситуациях вы наиболее уязвимы. *Сторонитесь этих ситуаций.* Отойдите на задний план. Поздно ложитесь и поздно встаете? Посещаете ночные клубы? Карточные игры? Партии в бридж? Держитесь подальше от всего того, что дает дьяволу точку опоры в вашей жизни. Будьте бдительны!

Второй способ - «Молитесь». Видите ли, молитва не сообщает Богу ничего нового. Нет ни святого, ни грешника, который бы удивил Его. Так что же делает молитва? Она приглашает Господа пройти по затенённым закоулкам нашей жизни. Молитва обращается к Богу с просьбой предупредить заранее о падающих деревьях и валунах. Она просит Господа замкнуть шествие, охраняя наш тыл от ядовитых стрел зла.

«Бодрствуйте и молитесь». Хороший совет. Давайте воспользуемся им. Ведь есть же разница между мирным днём на озере и шашкой динамита, взрывающегося перед лицом.

А что ожидали вы?

С первыми затруднениями в своих ожиданиях я столкнулся, когда был рыжим, веснушчатым четвероклассником. Они имели отношение к моей подружке Мэрлин. О-о! Я был в восторге от Мэрлин! Она была Королева королев. Как никто другой она умела вертеть моей головой и заставить сильнее биться пульс. Она, должно быть, была немножко гипнотизёром, потому что в её присутствии я мог только глупо ухмыляться. Ни словечка. Ни разговора. Просто неуклюжий, несущий чепуху десятилетний влюблённый.

Потом в один прекрасный день она дала согласие «ходить со мной» (на языке взрослых это означало быть моей подружкой). Здорово! Фейерверк, музыка, звёзды! Играй, оркестр! «Я твой, Ваше Высочество!»

Но была одна проблема - до этого у меня никогда не было подружки. Может быть, поэтому однажды на перемене один мой приятель из хороших побуждений дал мне совет: «Положено, чтобы дружок делал своей подружке предпочтение».

- Как это?

- Во, болван, ну, провожай её в класс! В столовой сиди с ней за одним столом. И тому подобное.

Так что в тот день на перемене я ожидал её у дверей кафетерия. Когда она появилась, я по-джентельменски взял её книги, протянул ей руку и проводил до столика. Принц Чарльз и леди Диана никогда не выглядели так проникновенно.

Всё было хорошо и прекрасно до следующего дня. После занятий её лучший друг подошёл ко мне и выдал новость: «Мэрлин хочет порвать с тобой». Я был ошеломлён: «Почему?» - «Потому что сегодня ты не сел с ней».

Что я такого сделал?

В тот день у меня появились первые вопросы по поводу женщин. Однако позже я узнал, что эта проблема не является женской; это была и есть проблема людей.

Это проблема ожиданий, проблема надежд. Понимаете, в тот день у Мэрлин были определенные ожидания, связанные со мной. Я сидел с ней один раз, поэтому должен был сидеть каждый раз. И хотя ничего ещё точно не было определено, восприятие уже присутствовало. И хотя не было сделано никаких соглашений, допущение этого всё же было сильно. Она ожидала, что я буду сидеть всё время рядом с ней. Я подвёл её - и мы расстались.

Звучит знакомо? А каков ваш опыт с ожиданиями? Знаете, они могут быть чреватые. Давно известно, что они способны совершить много больше, чем испортить роман четвероклассников. Развод, семейные распри, самоуничтожение, отравленная горечью дружба, неприятности по службе, мировые войны - всё это может быть вызвано этим самым маленьким преступником - ожиданием.

Ожидания... они похожи на винтовки. Обращайтесь с ними правильно и осторожно, и они будут ценны и необходимы. Но, как часто с ними обращаются дурно! Слишком быстро мы загоняем пулю в патронник, берем на мушку тех, кого любим, взводим курок, и спокойно спускаем его: «Ты подвёл меня».

Вы когда-нибудь ловились на эти предательские слова нездоровых ожиданий? А ваши дети?

«Вот, твой старший брат сдал химию на отлично. Ожидаем, что и ты сдашь так же хорошо».

«Сын, будучи в твоём возрасте, я организовал университетскую футбольную команду».

«Ты будешь великолепным доктором, как твой отец, не так ли?»

«Даже не мечтай о том университете, дорогой. Окончив школу, ты поступишь в наш альма-матер. Я уже откладываю деньги на твоё обучение!»

Или эти ожидания относятся к вашей супруге или вашему супругу?

«Если бы у тебя зарплата была больше, дорогой, мы бы могли купить тот дом».

«Дорогая, я обещал другу сыграть с ним в гольф в следующее воскресенье. Ты не против, не правда ли?»

«Я виноват, что кухня грязная!? Вести хозяйство - дело жены».

Или на работе.

«Послушай, у меня большие надежды на тебя, связанные с этой фирмой. Смотри, не подведи».

«Знаю, что сейчас больше пяти. Но я подумал, ты не будешь возражать, если мы обслужим ещё одного клиента».

«Я знаю, у вас не было отпуска. Но кто действительно болеет за свою фирму, готов на жертвы».

Ожидания: творцы любви с условием. «Я люблю тебя и буду любить ещё больше, если..».

Я знаю, о чем вы сейчас думаете. Следует ли ожидать максимума друг от друга? Нужно ли подбадривать друг друга, стремясь к совершенству и никогда не успокаиваться на достигнутом?

Безусловно.

Ведь именно Христос на кресте научил нас, как надо обходиться с ожиданиями. Разве Он много требует? Лучше верить. Разве Он на многое рассчитывает? Только на самое лучшее в нас. Есть ли у Него ожидания? Только одно: мы оставим всё, отречёмся от всего и последуем за ним.

Так в чём же разница? Иисус выразил свои ожидания в двух важных словах. Прощение и принятие.

Прочитайте внимательно слова, написанные Павлом: «Христос умер за нас, когда мы ещё были грешниками». (47)

Когда Он умер за нас? Когда мы достигли совершенства? Нет. Когда мы преодолели соблазны? Едва ли. Когда мы одолели дорогу христианства? Ничего подобного. Христос умер, когда мы были ещё грешниками. Тогда Его жертва не зависела от нашего совершенства.

Когда мы любим с условием, мы обещаем любить и любить еще больше, если...

В любви Христа ничего такого не было. Ни ограничений, ни ожиданий, ни тайных условий, ни секретов. Его любовь к нам была и есть на виду и чистая. «Я люблю вас, - говорит Он. - Даже если вы подводите меня. Я люблю вас, несмотря на ваши недостатки».

Прощение и забота сразу же следуют за ожиданиями Христа. Упадёте с туго натянутого каната того, что Он ожидает от вас, и вас благополучно примут прощающие руки Учителя.

Ожидания. Одни они подобны убийственным пулям, но, поддерживаемые прощением и принятием, способны выявить самое лучшее в нас. Даже у влюблённых подростков.

Возвращайся домой

Высветить божественную истину, используя земные события - нелёгкий труд. И всё же изредка наталкиваешься на историю, легенду или фабулу, выражающую божественное послание в десятки раз эмоциональнее и точнее сотен поучений. Таков случай, который вы прочтете ниже. Я услышал его впервые в рассказе бразильского пастора из Сан-Пауло. Даже пересказывая эту историю непрерывно, меня всё же каждый раз заново согревает и утишает божественный промысел этой истории.

Небольшой домик, простой, но вполне подходящий. В нём одна большая комната, выходящая окнами на пыльную улицу. Дом этот под красной черепичной крышей на окраине бразильской деревни - один из многих таких же домов по соседству. Он достаточно удобный. Мария с дочерью Кристиной сделали, что могли, что бы оживить серые стены и утеплить твёрдый земляной пол: старый календарь, выцветшая фотография родственников, деревянное распятие. Обстановка самая скромная: койка у одной стены, умывальник и топящаяся дровами печь.

Муж Марии умер, когда Кристина была ребёнком. Молодая мать упорно отказывалась от возможности выйти замуж вторично, имела работу и намеревалась воспитать дочь сама. Теперь, пятнадцать лет спустя, самые худшие годы остались позади. Хотя зарплата Марии как служанки не давала большого достатка, но была надёжной и обеспечивала едой и одеждой. Да и Кристина теперь была достаточно взрослой, чтобы получить работу и помочь матери.

Некоторые считали, что от неё Кристина унаследовала независимость характера, питая отвращение к традиционной идее выйти замуж молодой и поднимать семью. Дело было не в том, чтобы выбрать мужа. Её оливковая кожа и карие глаза были причиной постоянного потока предложений руки и сердца. Она обладала заразительной манерой, смеясь откидывая назад голову, наполняя комнату весельем. И ещё у неё было то редкое очарование, присущее некоторым женщинам, которое заставляет каждого мужчину чувствовать себя королём, просто находясь рядом с ней. При этом пылкий ум удерживал её от сближения с ними - она держала всех мужчин на расстоянии вытянутой руки.

Кристина часто говорила о том, что поедет в город, мечтая сменить пыльное захолустье на жизнь в городе с его красочными улицами. Мысль об этом приводила мать просто в ужас. Мария никогда не упускала случая напомнить Кристине о грубости городских улиц: «Там люди не знают тебя. Работы мало, а жизнь - жестокая. Ну, уедешь ты, а как на жизнь зарабатывать будешь?»

Мария хорошо знала, чем бы Кристина зарабатывала на жизнь, там в городе. Вот почему сердце матери упало, когда, проснувшись однажды утром, она нашла постель дочери пустой. Мария сразу догадалась, куда та ушла. Кроме того, мать тот час поняла, что должна делать, чтобы найти её. Быстро побросав кое-какую одежду в сумку, взяв все деньги, она выбежала из дома.

По пути к автобусной остановке Мария сделала последнее дело - фотографии. Она вошла в кабинку моментального фото, задёрнула занавеску и сделала фотографии, потратив всё, что могла. С кошельком, полным черно-белых фотографий, она села в автобус на Рио-де-Жанейро.

Мария знала, что у её дочери нет профессии, чтобы зарабатывать деньги. Кроме того, она хорошо знала, что Кристина была слишком упряма, чтобы сдаться. Когда гордость встречается с голодом, человек делает то, о чем раньше и не помышлял. Зная это, Мария начала поиски. Бары, отели, ночные клубы, любое место с репутацией для уличных бродяг и проституток. Она заходила во все места и в каждом оставляла свою фотографию - прикрепляла на зеркало в дамских комнатах, на доске объявлений в отелях и телефонных будках на углу. На обороте каждой фотографии она писала несколько слов.

Вскоре деньги и фотографии кончились, и Марии пришлось возвратиться домой. Измученная мать рыдала, когда автобус отправился в долгий путь назад, в маленькую деревушку.

Несколькими неделями позже юная Кристина спускалась по лестнице отеля. Её молодое лицо выглядело усталым. В карих глазах больше не плясал огонёк юности, они говорили о боли и страхе. Смех разбился. Мечты превратились в кошмар. Тысячи раз она желала поменять эти бесчисленные постели на свою спокойную койку. Но слишком по многим соображениям маленькая деревня стала чересчур далёкой.

И вот спускаясь по лестнице, Кристина взглядом отметила знакомое лицо. Посмотрела ещё раз - да, там, на зеркале вестибюля, была фотография матери. В глазах защипало, горло перехватило, пока, пересекая холл, она подошла и взяла маленькое фото. На обороте было написано вот такое неотразимое приглашение: «Чтобы ты ни сделала, кем бы ты ни стала, это не имеет никакого значения. Пожалуйста, возвращайся домой».

И она вернулась.

«Сын есть сияние славы Отца, Он образ самого Бога.» (48)

«Придите ко Мне все труждающиеся и обременённые, и Я успокою вас». (49)

Совпадающее несовпадение

Я подозреваю, что в жизни, должно быть, наиболее совпадающим является само несовпадение. Жизнь, предпочитая быть менее категоричной, похожа на приготовление салата, когда, подбрасывая, перемешивают трагедии и триумфы, богохульство и чистоту, отчаяние и надежду. Плохое поразительно близко к хорошему. Справедливое пугающе рядом с несправедливым. Жизнь. Она всегда отстоит от смерти на один удар часов. А зло? О, как удивительно оно соседствует с добродетелью! Как будто только прозрачный занавес отделяет их друг от друга.

Искусите человека соответствующим соблазном в соответствующий момент, нацеливаясь на его соответствующие слабости, и вы не найдёте смертного, который бы не отдёргнул занавес и не вкусил бы плод своих самых низких фантазий.

Несообразность жизни.

И вот одно и то же мгновение может одновременно возвещать о сладостной победе и сокрушительном поражении. Один и тот же день приносит как встречу, так и расставание. То же самое рождение приносит и боль, и покой. Правда и полуправда зачастую едут в одном седле. (О да, Иаков, добро и хула могут слететь с тех же самых уст.)

«Если бы жизнь была немножко проще, - рассуждаем мы. - Более предсказуема». Но увы. Даже для лучших из нас жизнь похожа на стремительные американские горки с крутыми виражами и пикирующими спусками.

Может быть, поэтому во всех нас есть беспокоящая неуверенность, что-то вроде хронического заболевания психики. О, её можно как-то скрыть под рубашкой и костюмом в полоску, но тревога о будущем всё же остаётся. Разве многие из нас не живут с чувством страха перед неизвестным? Разве многих из нас не страшит тот ужасный день, когда тонкий занавес, отделяющий нас от зла, может отдёргнуться и, споткнувшись, мы ввалимся в него. Убийство. Изнасилование. Рак. Смерть. Нас, как охотник, преследует гнетущее сознание того, что мы не свободны от жизненных неудач и опасностей. Это та самая сверхъестественная несовместимость, из-за которой мы в той или иной степени живём, как бы сидя на краешке стула.

Именно в этой несовместимости Господь провёл свой самый возвышенный час. Действительно, никогда непристойность не подходила так близко к святости, как это случилось на Голгофе. Никогда всё хорошее, что есть в мире, не сплеталось со злом

так крепко, как сплелось на кресте. Действительно, никогда праведное так тесно не было сопряжено с дурным, как это случилось, когда распятый на кресте Иисус висел между небом и землёй

Бог на кресте. Человеческая сущность - в самом худшем своём проявлении. Божественность - на высоте.

Как правило, у креста говорится что-то о несообразности. Что-то обнадеживающее. Что-то исцеляющее. Приводят доводы того, как сообразность боролась с несообразностью и одержала победу. Кроме того, что-то говорится о самом Боге.

Злобному миру не подставить подножку Господу. Наша слабая вера и глубина наших падений не приводят Его в изумление. Мы не можем удивить Господа своей жестокостью. Он знает положение вещей в мире... и всё-таки любит его. Потому что, как только мы найдём место, где Господь никогда не должен быть (как это было на кресте), мы вновь видим: Он - там, во плоти.

Лев из колена иудина

Дверь заперта. Наглухо закрыта. Может быть, даже подпёрта стулом. В комнате сидят десять перепуганных скитальцев, чьё душевное состояние мечется от веры к страху.

Окидывая их взглядом, навряд ли примешь их за тех, кто вот-вот заставят кипеть котёл истории. Необразованные. Смущенные. С мозолистыми руками. Сильным местным акцентом. Мало уважаемые обществом. Мало знающее мир. Не имеющие денег. Потерявшие руководителя... И так далее, и так далее.

Никто, глядя на эту пеструю компанию, не рискнул бы поставить слишком много на их будущее. Но что-то происходит с человеком, если он становится свидетелем, как кто-то восстал из мёртвых. Что-то переворачивается в душе каждого, кто стоял в непосредственной близости от Господа. Это возбуждает сильнее, чем золотая лихорадка, и держит крепче, чем страсть

А началось всё с десяти человек, запинаящихся и заикающихся от неуверенности в себе. И хотя дверь заперта, Он всё ещё пребывает среди них. «Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас». (50)

И Он действительно послал их. Порты. Постоялые дворы. Корабли. Синагоги. Тюрьмы. Дворцы. Они шли повсюду. Одев плащи с капюшонами, они несли послание Назаретянина по свету. Они заражали других Его словом. Они были живым организмом. Их невозможно было остановить. Необразованные странники, которые перетрясли историю, как хозяйка трясёт половик.

Боже, как грандиозно было бы увидеть это вновь?!

Многие считают, это невозможным. Мир слишком суров. Стал слишком мирским. Слишком постхристианским. «Это время информации, а не возрождения». Поэтому от страха перед миром мы наглухо закрываем двери. А в результате мир во многом становится неприкасаемым и невежественным. Более половины населения земного шара едва ли слышали историю о Мессии, ещё меньше изучают её. Те же верующие,

что отошли от веры, часто возвращаются измученные, с израненными душами, онемевшие от неполадок и отчаявшиеся в нужде. Что же нужно предпринять, чтобы вновь разжечь огонь? Ведь как-то сделали это те парни из комнаты Тайной Вечери. Они разожгли его, не лентясь и без оговорок. Для них было вполне очевидно следующее: «Всё, что я знаю, так это то, что Он умер, а теперь Он жив». Что-то случается с человеком, когда он стоит в непосредственной близости от Льва из колена Иудина. Что-то происходит с ним, когда он слышит рык и дотрагивается до Его золотой гривы. Что-то происходит с ним, когда ему приходится быть так близко ото Льва, что он чувствует Его дыхание. Может быть, мы все могли бы что-то предпринять в ответ. Может быть, нам всем нужно стать свидетелями Его тайны и удивиться Его победам. Может быть, опять нам нужно внять данному нам поручению. «Вы расскажете им? - требовательно спрашивал Иисус, - Вы расскажете им, что Я возвращался и что Я вновь вернусь?»